

Цикл о династии Ромашиных

Василий Головачев

Огнетушитель дьявола

«ЭКСМО»

2000

Головачев В. В.

Огнетушитель дьявола / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2000 — (Цикл о династии Ромашиных)

Негуманоиды из будущего нашли эффективный способ завоевания жизненного пространства в Галактике. Достаточно переправить в прошлое «звездный огнетушитель» – и процесс гашения звезд и уничтожения цивилизации пошел. Однако непредсказуемые обитатели системы желтого карлика, называемого Солнцем, получив известие от погибающих «братьев по разуму», вознамерились противостоять агрессии. Когда другие средства защиты были исчерпаны, началась подготовка беспрецедентной экспедиции в недра Солнца...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Василий Головачев

Огнетушитель Дьявола

Глава 1

МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА

*Но однажды из страшных орудий
Я пальну по себе самому.*

Л. Филатов

Багровое, покрытое оспинами фиолетовых и коричневых пятен и малиновыми космами протуберанцев светило медленно опускалось за горизонт, протягивая дорожку бликов, похожую на жидкое пламя, по льду замерзшего моря к мрачному строению на берегу, напоминавшему проросший черной травой панцирь черепахи. «Панцирь» был огромен: два километра в поперечнике и полкилометра в высоту – и представлял собой одну из десятка уцелевших на всей планете жилых зон некогда могучей цивилизации. Эта зона была защищена от катаклизмов лучше других, так как в ней обитало правительство планеты во главе с Великим, Имеющим Право Контроля, но и она постепенно умирала. Цивилизация мантоптеров, переставшая получать от светила требуемое количество энергии, чахла и деградировала, не способная бороться со свалившейся на нее бедой.

О переселении речь уже не шла. В звездном скоплении, к которому принадлежало светило системы, и даже в ближайших галактиках звезд с такими характеристиками обнаружено не было, а у похожих по параметрам мантоптеры жить не могли, уж слишком узким оказался диапазон условий, позволивший миллиарды планетарных циклов назад появиться жизни и разуму возле этой зеленой циркониевой звезды. Теперь же она быстро угасала, превратившись в багрового карлика, температура поверхности которого падала все ниже.

В резиденции правителя, расположенной под куполом панциря «черепахи», в огромном Зале Приемов возле плоской наклонной стены экрана стояли трое мантоптеров и смотрели на заход светила. Один из них, закутанный в блистающую перламутром чешуйчатую мантию, из-под которой высывались лишь две пары конечностей и голова с выпуклыми фасетчатыми глазами, был последним правителем планеты, Великим, Имеющим Право Контроля. Его молчаливыми собеседниками были двое мантоптеров в мундирах поскромнее: Первый, Имеющий Право Исполнять Волю Великого, и Второй, Имеющий Право Докладывать о Происходящем.

– Наше время уходит, – нарушил мысленное молчание Великий. – Время старых разумных. Надежды нет.

– Есть, Великий, – не согласился Второй. – Нам на смену идет молодая волна разума, она способна отразить агрессию Останавливающих и помочь нам.

– Они слишком далеко.

– Мы негласно провели поиск ближайших «разумных» систем, одна из них расположена в тридцати тысячах световых лет. Ее обитатели – существа, называющие себя людьми, а систему Солнечной, – вполне могли бы справиться с Останавливающими.

– Мы не успеем.

– Но это шанс, Великий, – вмешался Первый, Имеющий Право Исполнять. – Мы пошлем в эту систему курьера, который предупредит их и снабдит всей информацией, которая нам доступна.

Великий, Имеющий Право Контроля, долго молчал, глядя на тускнеющую малиновую полосу заката. Потом глянул на своих помощников.

– Что ж, как говорится: попытка – не казнь. Попробуйте. Отберите лучших, пошлите не одного курьера, а команду, которая сможет дойти до Солнечной системы и передать наше послание.

– Почтительно признаемся, что подготовка такой команды уже началась. Через три-четыре суточных цикла курьеры будут готовы.

– Необходимо принять все меры для обеспечения секретности миссии. Останавливающие не должны знать о наших планах.

– О цели экспедиции не будет знать никто, даже командир пространственного преодолевателя. Нами запущена дезинформация о попытке поиска подходящей для переселения звезды. Командир экспедиции узнает об истинной цели похода лишь в точке поворота преодолевателя.

– Боюсь, это не гарантирует безопасности экспедиции, – мрачно проговорил Второй, Имеющий Право Докладывать о Происходящем. – Останавливающие имеют уши везде. – Он подумал и добавил: – Кроме разве что резиденции Великого.

– Ступайте, – отвернулся последний правитель колонии мантоптеров. – И да поможет нам Всевидящий, Имеющий Право Всех Прав!

* * *

Пространственный преодолеватель был огромен и стар, но еще вполне оправдывал свое название: «Проникающий в глубины». Таких давно не строили, колония мантоптеров с трудом поддерживала технологический потенциал сферы обслуживания и практически не мечтала о создании новых технологий и разработок.

Команду «Проникающего» составили пятеро космолетчиков, самых опытных и сильных, которые еще работали в Сфере космоплавания. Двое из них служили в корпусе звездной разведки: Сто Второй Высокого Ума и Двести Шестой Исполняющий, один ведал защитой: Девятьсот Девяносто Девятый Исполняющий, и один имел ранг Прокладывающего Курс к Цели. Командиром экспедиции был назначен сын Первого, Имеющего Право Исполнять Волю Великого, – тоже Первый, но уже рангом ниже: Первый, Поднимающийся к Крыльям Великого. Он прожил на свете более ста планетарных циклов и был одним из самых известных космолетчиков мантоптеров, побывавшим даже в соседних галактиках.

Прощаться мантоптеры не умели, хотя в какой-то мере были эмоциональными существами. Правда, эмоции они выражали в мысленном диапазоне, так как гибкие хитиновые оболочки тел не позволяли им визуально изображать чувственные переживания.

Цель экспедиции не скрывалась ни от членов экипажа, ни от остающихся на планете сородичей. Надо было найти пригодную для обитания звезду с планетной системой, куда могла бы переселиться колония мантоптеров.

«Проникающий в глубины» стартовал не с поверхности планеты, – для этого он был слишком велик и громоздок, – а от узла контроля гигантской древней сети энергоприемников, окружающей светило. Путь его лежал в сторону ближайшей галактики, самой большой в местном скоплении, содержащей около трех триллионов звезд. По ложной информации, запущенной в общую информационную сеть системы, косморазведка якобы обнаружила там звезды, близкие по составу и параметрам излучения к родному угасающему светилу.

Пятеро заняли места в гнезде управления, и командир – Первый, Поднимающийся к Крыльям Великого – мысленно приказал быстродействующему обслуживателю космолета начать разгон. Полет начался. И уже через несколько единиц времени, являвшихся десятыми долями планетарного цикла, родное светило скрылось за кормой в сиянии сотен тысяч звезд шарового скопления, самого старого звездного образования в местной системе галактик.

Цивилизация мантоптеров насчитывала уже миллиарды планетарных циклов и в миллион раз была старше человеческой, но рассчитывать могла только на помощь людей, существ

углеродно-азотного цикла, развивающихся очень динамично, бурными темпами осваивающих свою Галактику. Остальные цивилизации в шаровом скоплении давно прошли свой путь и исчезли, оставив после себя только следы былого могущества. У людей же все еще было впереди.

Но о цели экспедиции экипаж «Проникающего» узнал лишь на третий день полета, когда космолет преодолел одну сотую расстояния до Галактики и командир вскрыл секретный кокон целеуказания. По объему гнезда управления растеклось тяжелое молчание экипажа.

– Нам предписано лететь к желтой звезде во втором рукаве Галактики, – сказал командир, прочитав приказ. – Курс меняется.

– А как же поиск системы для заселения?—спросил Сто Второй. – Разве может быть задание важнее этого?

– Может, – рассеянно кивнул Первый.

Члены экипажа переглянулись.

– Что нам предстоит сделать? – выразил общую мысль Двести Шестой.

– Доставить разумникам с планеты Земля – так они называют вскормившую их планету – послание Великого, Имеющего Право.

– Что за послание? – осведомился Прокладывающий Курс.

– Оно закодировано. – Командир космолета погладил хваталом чешуйчатую шишку секретного кокона, подключенного к обслуживателю. – Но я думаю, что это просьба о помощи и предупреждение о возможном появлении Останавливающих.

– Почему же нам не сказали о цели полета на базе? – недовольно спросил Сто Второй.

– Потому что об этом могли узнать Останавливающие.

В объеме гнезда управления установилась тишина. Члены экипажа переваривали полученную информацию. Первый Поднимающийся смотрел на них с пониманием и сочувствием. Он-то знал о цели полета с самого начала.

«Проникающий» изменил курс на десять градусов и окутался слоем анизотропного вакуума, вспарывая пространство со скоростью, в сто тысяч раз превосходящей скорость света. А на второй день после поворота корабля следящие системы зафиксировали погоню.

Сначала Девятьсот Девяносто Девятый, отвечающий за безопасность экспедиции и защиту космолета, принял догонявшее их тело за второй корабль родной цивилизации, посланный для поддержки первого; с расстояния в пять световых единиц форму и размеры тела определить было трудно. Затем стало ясно, что это не пространственный преодолеватель, использующий принцип «вакуумной смазки». Тело – сфера идеальной формы, отражающая многие виды излучений, – двигалось иначе, прыжками, исчезая в одной точке пространства и появляясь в другой, но уже ближе к «Проникающему», и скорость его была в результате почти вдвое больше, чем у корабля мантиоптеров. Вскоре сферу можно было разглядеть на экране обзора, невозмутимо мчавшуюся вприпрыжку за кормой корабля.

– Что это такое? – осведомился встревоженный Сто Второй.

Никто ему не ответил, даже командир, хотя он и догадывался о характере погони.

– Мы можем увеличить скорость? – не унимался Сто Второй.

Первый молча отдал приказ обслуживателю, и космолет начал новый разгон, сотрясающий метрику пространства примерно так же, как крейсер взбаламучивает воду, создавая за кормой кильватерный след.

Зеркальная сфера отстала, затем снова подтянулась к «Проникающему», держась в пределах прямой видимости, не отставая и не перегоняя его.

Космолет достиг максимальной скорости, в двести тысяч раз превосходящей скорость света. Сфера начала отставать, но снова догнала корабль. Тогда командир принял решение атаковать ее имеющимися на борту средствами активной защиты.

Попытки связи с преследователями и подготовка атаки не заняли много времени. Убедившись, что неведомые повелители зеркальной сферы не собираются контактировать, командир «Проникающего» отдал приказ уничтожить сферу, и Девятьсот Девяносто Девятый, занявший особое гнездо боевой зоны корабля, открыл по ней огонь из метателя антимагии.

Однако ничего не произошло!

Сгусток антипротонов врезался в отражающее свет как зеркало тело сферы и пропал, будто нырнул в бездонную пропасть. Сфера как ни в чем не бывало продолжала полет, но уже не в режиме «мигания», а как обычный преодолеватель пространства, имеющий генератор «вакуумной смазки».

Девятьсот Девяносто Девятый повторил атаку.

Новый антипротонный луч вонзился в бликующую поверхность сферы. Его энергии хватило бы для испарения одного из морей родной планеты мантоптеров. Однако и на этот раз луч бесследно канул в недра гигантского зеркального шара, не вступая в реакцию аннигиляции с его веществом.

– В чем дело? – неприятно удивленный Сто Второй посмотрел на командира. – У нас нет оружия помощней?

– Возможно, материал сферы имеет экзотические свойства, – проговорил Прокладывающий Курс. – Мы уже сталкивались в системе с телами, частицы которых имеют отрицательную массу.

– Левая материя? – скептически хмыкнул Двести Шестой.

– Попытайся разрезать его монохроником, – посоветовал Сто Второй.

Девятьсот Девяносто Девятый привел в действие лазерное устройство, но с тем же результатом: высокоэнергетический луч света бесследно утонул в теле сферы, вызвав лишь слабенький лучик отражения. По всей видимости, шар действительно отражал только фотоны в узком диапазоне электромагнитного спектра, поглощая все остальные виды энергии и материи.

– Запускаю ядерный резонатор, – доложил Девятьсот Девяносто Девятый, имея в виду взрывное устройство на основе спонтанного ядерного распада.

Однако запустить ракету с атомной бомбой мантоптеры не успели, сфера вдруг ответила на их атаку, выпустив по космолету точно такой же антипротонный сгусток, каким угостили ее. Девятьсот Девяносто Девятый едва успел перестроить защитные экраны «Проникающего» таким образом, чтобы отклонить сгусток, а затем второй и – через некоторое время – третий, но уже не антипротонный, а лазерный. Впечатление было такое, будто выпущенные космолетом лучи проникли внутрь сферы, поплутали там и вылетели обратно, практически не изменившись.

– Великий Всевидящий! – пробормотал ошеломленный Сто Второй (ругаться мантоптеры не умели). – Что за жаба нас догнала?! Неужели мы не можем от нее оторваться?

– Мы и так идем на пределе.

– Внимание, включая форсаж! – предупредил экипаж Первый Поднимающийся.

«Проникающий» устремился вперед с возрастающей скоростью, жадно глотая энергию запасных генераторов хода. Все помещения космолета заполнил низкий гул: корпус преодолевателя пространства начал резонировать в унисон с пульсацией защитных полей.

Зеркальная сфера, выворачивающая «наизнанку» все, что в нее попадало, начала отставать и вскоре затерялась в черноте космоса на фоне россыпи звезд и далеких галактик. Еще некоторое время мантоптеры вглядывались в пустой экран обзора, ожидая доклада искусственного интеллекта корабля о маневрах погони, и лишь потом расслабились, позволив себе отметить это событие глотанием «жидкости счастья», приводившей их в легкое эйфорическое состояние.

Не пил «счастье» лишь командир «Проникающего», предчувствующий близкую беду. До цели полета оставалось чуть больше половины пути – около восемнадцати тысяч световых лет, и все еще могло повториться.

* * *

Предчувствия Первого Поднимающегося сбылись, когда до спирального рукава Галактики, в котором находилась желтая звезда Солнце – цель экспедиции, осталось каких-то две тысячи планетарных циклов. На той скорости, с какой мчался сквозь пространство корабль миссии, ему требовался для преодоления оставшегося отрезка пути всего один суточный цикл, а то и меньше. Он уже был в пределах внешнего спирального рукава Галактики и слегка изменил курс, точно нацеливаясь на Солнце, и в этот момент обслуживатель корабля доложил о появлении в кильватере знакомой зеркальной «жабы». Преследователи догнали «Проникающий». А командир космолета вдруг понял, что отставание погони было просто хитрым маневром. Преследователи не знали, куда направляется корабль, и появились, как только определился курс и стала видна цель экспедиции.

– Внимание! – объявил Первый Поднимающийся. – Тревога первой степени! Начинаем маневр сближения и атаки! Шанс – один из тысячи, что мы уцелеем. Прошу приготовиться к небытию.

– Что ты задумал, командир? – подал голос Сто Второй.

– Мы пошлем к Солнцу автономную капсулу с посланием и атакуем преследователей в режиме «таран».

Тишина в гнезде управления.

– Может быть, есть другое решение? – нарушил молчание Прокладывающий Курс.

– Я его не вижу.

– Но мы не использовали всего нашего арсенала...

– Его недостаточно, нужен нестандартный подход. За нами идет не просто погоня Останавливающих. Это сферический хроноинверсор.

Пауза. Возглас Двести Шестого:

– Сохрани нас Всевидающий!

– Почему ты уверен, что Останавливающие послали за нами хроноинверсор? – спросил Сто Второй. – Зачем? Он не сможет нас остановить.

– Но сможет задержать, – тяжело сказал Первый Поднимающийся. – Тогда наша миссия теряет смысл. К тому же инверсор послан не за нами. Останавливающим нужно было узнать, куда мы направляемся, чтобы предотвратить утечку информации о положении дел в Метагалактике. Они своей цели добились. Теперь на очереди – те существа, которым мы должны передать послание. Оно дойдет, если только мы уничтожим посланца Останавливающих. Вы готовы?

Долгая пауза.

– Другого выхода нет?

– Нет.

– Тогда мы готовы, – ответил за всех Прокладывающий Курс.

– Начинаем маневр.

Корабль увеличил скорость.

Зеркальная сфера начала отставать, и некоторое время казалось, что он оторвется от преследования, но спустя несколько долей суточного цикла она снова догнала корабль, и Первый привел в действие разработанный план.

Гигантский космолет вдруг сделал неожиданный пространственный кульбит: прыгнул вверх – вниз, влево – вправо, развернулся носом к настигавшей его сфере и ощутимо «уперся в

вакуум» – затормозил, на мгновение выключив генератор «вакуумной смазки». И преследователи не успели затормозить, чтобы избежать столкновения. Но перед тем, как столкнуться лоб в лоб, Девятьсот Девяносто Девятый выстрелил из корабельного деформатора, изменяющего метрику пространства, и словно огромным ножом буквально вспорол сферу как воздушный шарик.

Деформатор – по сути преобразователь кривизны пространства – изменил топологию сферы таким образом, что она «лопнула» и «вывернулась наизнанку» сама, пропустив сквозь себя корабль мантоптеров. Затем она развернулась в сложной формы «цветок», напоминающий земную гвоздику, и стала складываться в плоскость, пока не превратилась в идеальный зеркальный квадрат, продолжавший лететь в прежнем направлении и с прежней скоростью. Корабль мантоптеров отразился в нем во всех деталях, догоняя это чудовищное «зеркало», и обслуживателю космолета с трудом удалось избежать столкновения: «Проникающий» тоже продолжал мчаться в прежнем направлении кормой вперед, оказавшись позади бывшей сферы благодаря своему маневру.

Они сбросили скорость, наблюдая, как гигантский плоский зеркальный лист уносится в темноту космоса, отражая звезды и туманности, затем командир напомнил экипажу о выполнении служебных обязанностей, и очнувшийся Прокладывающий Курс занялся наведением «Проникающего» на цель. Вскоре космолет, на безопасном расстоянии миновав «зеркало», устремился к звезде людей – Солнцу, до которой оставались всего доли суточного цикла полета. Неожиданная метаморфоза сферы на мантоптеров особого впечатления не произвела, их техника тоже могла вытворять подобные фокусы с формой предметов, а о смысле происходящего должны были размышлять исследователи, сородичи с соответствующим образованием и функциональным предназначением. Таких мантоптеры обычно называли «яйцеголовыми».

При подходе к Солнечной системе «Проникающий» сбросил скорость до десяти световых и вошел в нее уже не так стремительно, как покидал окрестности родной планеты. Всего местная система насчитывала девять крупных планетарных тел, около двух тысяч тел размерами поменьше и множество искусственных сооружений, но корабль направился сразу к третьей планете системы, на которой обитали люди.

Беда случилась, когда космолет пролетал мимо второй с краю планеты, которую хозяева системы называли Ураном.

Внезапно впереди по ходу корабля, всего в тысячных долях радиуса орбиты планеты мантоптеров, объявился такой же преодолеватель пространства, шедший встречным курсом. Расстояние между ним и «Проникающим» было столь мало, что ни Прокладывающий Курс, ни обслуживатель корабля не успели предотвратить столкновение или отвернуть в сторону. Шедший на скорости в десять световых космолет мантоптеров врезался в лоб чужаку... и промчался сквозь него, как сквозь голографический призрак!

«Зеркало!» – успел подумать Первый Поднимающийся, прежде чем потерять сознание. Это всего лишь зеркальное отражение...

В следующее мгновение в гнездо управления хлынула тьма, и пятерка мантоптеров перестала что-либо ощущать. Никто из них уже не увидел, как «Проникающий в глубины», вонзившийся в зеркальный лист хрономембраны, через несколько долей суточного цикла вылетел обратно, странным образом развернувшись в неведомых измерениях «зеркала», и направился туда, откуда прибыл, к границам Солнечной системы, только с гораздо меньшей скоростью. Радарные комплексы людей, следящие за пространством Солнечной системы, засекли его в тот момент, когда он пересекал орбиту Плутона.

Однако экипаж корабля к этому моменту был уже мертв.

Глава 2

НЕБОЛЬШИЕ ЛИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Сначала их было трое на плоту, неторопливо дрейфующему по водной глади Валлес Маринерис – Великой Марсианской Долины, расположенной в экваториальной области Марса в окружении величественных стен гигантской системы каньонов. Потом Ходя (Хасид Хаджи-Курбан, перс, уроженец Исфахана, безопасник-бобер ¹, полковник и друг Кузьмашина) и Гера (Герман Алнис, социолог по образованию, лирик по натуре, ксенопсихолог, сотрудник Института внеземных культур, поэт и сорвиголова) почти одновременно получили вызовы из своих засекреченных контор и улетели. Таким образом Кузьма (Кузьма Ромашин, двадцати девяти лет от роду, специалист-теоретик в области таймфазовой физики, женатый, детей нет; шатен, метр восемьдесят росту, лицо открытое, глаза карие, упрямый подбородок, крупные губы, нос далеко не греческого происхождения) остался на плоту один. Торопиться ему было некуда, в Институте ТФ-проблем его ждали через месяц, отпуск же только начинался, и к рабочему комбайну еще не тянуло. А отсутствие на плоту жены объяснялось двумя причинами. Первая: отдыхать собирались сугубо мужской компанией. Вторая: Алевтина все равно не полетела бы с мужем на Марс, предпочитая отдыхать в более комфортных условиях в окружении друзей, бездельников и трепачей, называющих себя «служителями муз» или «артистами свободного поиска».

Аля действительно когда-то закончила театральный институт, некоторое время работала в Магаданском театре оперетты, потом переехала в Петербург, вышла замуж за Кузьму и устроилась в знаменитый Мариинский театр, которому исполнилось уже почти полтысячелетия. Однако в Мариинке она не прижилась, имея довольно склочный характер (Кузьма поначалу считал эту ее черту склонностью к независимости), и кочевала из театра в театр по всей Земле, нигде не задерживаясь подолгу. Признаваться же в малом калибре таланта ей не хотелось, женщиной она была красивой и все неудачи привычно сваливала на мужа. В результате чего, прожив с ней пять лет, Кузьма понял, что их брак был ошибкой. Уйти от Алевтины следовало еще четыре года назад, когда у нее завелись друзья, бесцеремонно вмешивающиеся в семейную жизнь Ромашина.

Над головой раздался писк.

Кузьма лениво открыл глаз, увидел радужную кружевницу – бабочку Марса размером с две ладони, и снова зажмурился, подставив лицо лучам солнца.

Солнце с поверхности Марса виднелось размером с человеческий зрачок и почти не грело, но благодаря искусственно созданному парниковому эффекту практически на всей экваториальной полосе планеты от шестидесятого градуса южной широты до шестидесятого градуса северной было тепло. Летом в иных местах температура поднималась до плюс тридцати пяти по Цельсию, зимой на равнинах не опускалась ниже восемнадцати, и лишь на плато и выше – на горных складках царил тридцатиградусный мороз. По сути, после появления атмосферы, таяния подкорковых льдов полярной шапки и создания лугов и лесов Марс превратился в одну из самых комфортных зон отдыха в Солнечной системе с немного меньшей, чем на Земле, силой тяжести², что, естественно, доставляло удовольствие всем отдыхающим и проживающим здесь и способствовало хорошему настроению. В том числе – Кузьме Ромашину, избравшему романтическое путешествие на плоту по рифтовой долине длиной около трехсот километров.

¹ Бобер – боец обоймы риска (жаргон спецслужб УАСС).

² По последним данным ускорение свободного падения на Марсе равно не 3,74, а 8,39 метра в секунду за секунду.

Конечно, внезапное отбытие друзей на Землю на некоторое время повергло его в уныние, однако все же он решил достичь намеченной цели: они намеревались пересечь Валлес Мари-нерис по диагонали, провести несколько дней в заповеднике Эола с его причудливым ландшафтом и лишь потом стартовать домой на Землю. Покинуть же Марс труда не составляло: Кузьма, как и любой другой специалист с высоким социальным статусом, имел тайф и мог в любой момент «внедрить» себя в систему метро, соединявшую все планеты и спутники, а также искусственные сооружения человеческой цивилизации, почти полностью обжившей околосолнечное пространство. Тайфом называли разработанный еще дедом Филиппом ТФ-эмиттер, позволявший обходиться без громоздких передающих и приемных антенн, и Кузьма пошел по его стопам, закончив семь лет назад Московскую физическую академию и став теоретиком тайфага. Теперь он был уже доктором наук, ведущим специалистом Института ТФ-проблем и метил в академики, значительно продвинув науку вперед. Мешала ему в этом лишь авантюрная жилка, присущая всему роду Ромашиных, заставляющая иногда резко менять направление деятельности, жизненные концепции, философские установки (но – не принципы!) и при этом попадать в опасные ситуации.

Таков был дед Кузьмы Филипп, которому пошел девяносто пятый год, но который все еще работал директором Управления аварийно-спасательной службы (УАСС). Лет семьдесят назад он, конструктор тайфаговой аппаратуры, вдруг ушел из Института ТФ-связи в службу безопасности УАСС и с тех пор сам стал частью этой системы, отвечающей за безопасность человечества.

Таков был отец Кузьмы Игнат Ромашин, безопасник, пограничник, косморазведчик, рисковавший жизнью сотни раз и едва выживший после столкновения с Артефактом, которому дали название Спящий Джинн или Демон. Случилось это около сорока лет назад, когда Кузьмы и в проекте не существовало, но историю он знал досконально, тем более, что сохранились записи контакта спецслужб с Артефактом – забытым на Земле миллионы лет назад «роботом, выполняющим желания». Многие тогда хотели включить этого «робота», добываясь своих личных целей, пока не произошла экологическая катастрофа и люди не поняли, что если Спящий Джинн и исполняет желания, то только не человеческие.

Слава богу, за ним прилетели создатели, вспомнившие о ценном объекте, так и не пожелавшие вступить в контакт с людьми, забрали своего «робота», и все закончилось более или менее благополучно. А главную роль в этом деле сыграл отец Кузьмы, протаранивший Демона и заставивший его очнуться от миллионнолетнего сна, оценить ситуацию и убраться с Земли.

Два года после этого Игнат Ромашин пролежал в коме, но все-таки выжил и снова влился в ряды безопасников. В свои шестьдесят шесть лет он все еще занимался боевыми искусствами и работал комиссаром погранслужбы УАСС. Однако приучить к единоборствам сына ему не удалось. Ромашин-младший не полюбил этот вид самореализации, хотя спортом занимался – довольно неплохо играл в гимнасион³. Отец и мать Кузьмы жили под Волоколамском, на берегу небольшого живописного озерца, и Кузьма, давно имевший свое жилище в Московском мегаполисе (Строгинская жилая гроздь, сто десятый уровень, парковое кольцо, зона тысяча первая), любил гостить у них в свободное от работы время. Правда, удавалось это нечасто, ритм работы комиссара погранслужбы не позволял отцу отвлекаться от дел надолго.

Снова раздался прерывистый настойчивый писк.

Над плотом кружили уже три кружевницы и явно требовали от лежащего человека еды. Эти существа на самом деле были не бабочками, а термитами, завезенными на Марс и претерпевшими мутацию. Как правило, они селились возле человеческих жилищ и нахально требовали пищи. Кузьма перевернулся на бок, кое-как дотянулся до походной кухни, достал из блокпласта банку сгущенки. Открыв, поставил на край плота и стал смотреть, как кружевницы

³ Игра в мяч (ведение мяча сквозь систему колец) с элементами гимнастики в условиях пониженной силы тяжести.

длинными хоботками едят сгущенку. Потом искупался в прозрачно-зеленоватой воде, испытывая восхитительное чувство легкости, и включил интервижн, чтобы послушать новости.

Ничего особо выдающегося узнать он не надеялся, по привычке меняя каналы и выбирая спортивный, однако неожиданно заинтересовался сообщением Информцентра Солнечной системы об обнаружении искусственного объекта за орбитой Плутона. Объект больше всего напоминал суковатое полено размерами десять на полтора километра и представлял собой гигантский космический корабль. Как он оказался у границ Системы, почему следящие устройства, контролирующие пространство Системы, не заметили его приближения, в сообщении не говорилось.

И еще одно известие неприятно подействовало на Кузьму: так называемые «мертвяки» – «мертвые зеркала» появились уже не только на других планетах Системы, но и на Земле. «Мертвяками» же их называли по той простой причине, что от обычных «хронозеркал», возникших в Солнечной системе и вообще в Галактике более семидесяти лет назад, они отличались смертельным воздействием на человека и вообще на любое живое существо. Если в простое «зеркало» можно было войти как в дверь и выйти через какое-то время обратно живым и невредимым – время задержки варьировалось от минут до нескольких дней, – то войдя в «мертвое зеркало», человек возвращался уже мертвым. Без всяких видимых причин. Медики пришли к выводу, что у людей просто останавливалось сердце. И таких случаев с момента обнаружения «мертвяков» насчитывалось немало.

Выключив аппарат объемной видеоинформсети, Кузьма поразмышлял над услышанным, оглядел акваторию озера, сильно вытянутого в меридиональном направлении и сверху похожего на банан, заметил в лесу на западном берегу столбик дыма: там явно жгли костер, – и решил устроить себе праздник знакомства. Одному отдыхать уже поднадоело, захотелось внести в размеренную растительную жизнь толику разнообразия.

Кузьма развернул десятиметровой длины плот, сварганенный из четырех полос пенокремнелита, идущего на строительство подземных холодильников, прочного и легкого, как пробка, и погнал его к берегу, используя небольшой струйный движитель. До берега было километров семь, и когда плот приткнулся к темно-коричневым базальтовым столбам и валунам, еще недостаточно обточенным прибором, солнце заметно сползло к горизонту. Наступал вечер, шестой вечер на озере Валлес и седьмой вообще на Марсе, куда прибыла троица друзей с Земли, уповающая на увлекательный и необременительный отдых.

Кузьма вздохнул. Ходя и Герка давно были на Земле и лишь позвонили по разу, не обещая скорого возвращения. А отпуск без них все-таки терял смысл.

Кузьма вспомнил, как два дня назад, когда они были еще вместе, над озером пролетели на антигравах две девушки, транспортирующие за собой капсулу стандартного туркомплекса. Они искали место для стоянки и приглашали друзей в гости. Герка, необычайно быстро сходящий с людьми, даже пообещал завернуть к ним на чай. Одна из девушек, блондинка с роскошными золотыми волосами, весьма заинтересовала ксенопсихолога, не обремененного узами брака, она понравилась и Кузьме, ответив ему заинтересованным взглядом, но познакомиться они не успели. Спутница блондинки потянула ее за собой, и они умчались вперед, скрывшись за полосой тумана. Теперь Ромашин прикидывал, не принадлежит ли костер, дым которого он обнаружил, биваку незнакомок. После разлуки с друзьями это было бы неплохой компенсацией за одиночество.

Привязав плот к одному из валунов, Кузьма натянул шорты, белую футболку и кроссовки, положил в гостевую сумку бутылку шампанского, коробку конфет (все это богатство принадлежало Герману, предусмотрительно запасшемуся атрибутами знакомства именно на такой случай), нацепил пояс-антиграв и поднялся над береговой линией на десяток метров.

Струйка дыма, которую он заметил с озера, несколько посветлела, но была видна хорошо на фоне серо-фиолетовой стены рифта. До нее было всего около двух километров по прямой,

но если бы Кузьма решился идти пешком, преодолевать каменистый, усеянный обломками скал и валунами береговой откос ему пришлось бы не менее часа, несмотря на меньшую, чем на Земле, силу тяжести.

Под ногами поплыли трещины, изломы скал, ямы с водой, пласты горных пород, покрытые зеленоватым налетом ила и водорослей. Чуть выше этот налет сменился куртинами голубоватого мха, а у самой стены каньона рос уже настоящий кустарник – марсианский можжевельник, крапивник, суходол, буревай, переходивший в редкий лес, состоящий из плосковершинных сосен и карликовых – не выше трех метров – секвой. Секвойи на Марс завезли американцы еще двести лет назад, надеясь, что эти земные гиганты покорят марсианские просторы, но секвойи хоть и выжили в суровых условиях чужой планеты, расти, как на Земле, до двухсотметровой высоты, отказывались.

Вскоре Кузьма услышал музыку, шум и среди высоких столбовых скал заметил палатки лагеря: их оказалось не две, как он думал, а целых восемь. Настроение слегка упало. Он надеялся еще раз увидеть золотоволосую незнакомку с теплыми янтарными глазами, но ей с подругой хватило бы и одной, в крайнем случае, двух палаток, а тут располагалось восемь, что означало: лагерь принадлежал какой-то большой группе путешественников. Золотоволосая девушка здесь скорее всего не отдыхала.

Однако делать было нечего, отступать не хотелось, и Кузьма опустился на каменистую марсианскую почву, еще не измененную травой так, как на Земле. Последние полсотни метров до лагеря он решил пройти пешком.

Прислушиваясь к долетавшим из лагеря звукам, он медленно двинулся вперед, разглядывая скалы и деревья.

Местность здесь была живописная, скалы диаметром от двух до десяти метров и высотой до сорока-пятидесяти придавали ей необычный «археологический» колорит. Так и казалось, что сейчас он увидит жилище марсианина или его самого с копьем в руке. По-видимому, лагерь отдыхающие разбили в этом месте не случайно, о чем говорил и ручей, сбегаящий к озеру по камням. Подумалось, что здесь поработали ландшафтные операторы, создавшие уголок «дикого» отдыха для какой-то важной персоны.

Кузьма остановился, зачерпнул пригоршню воды, попробовал на язык. Вода была вкусная, пресная, колючая, как нарзан, и пахла мятой. А поскольку ключей и минеральных источников на Марсе не водилось, Кузьма сделал окончательный вывод: источник создали искусственно, а скалы обработали для придания ландшафту «археологической законченности». Это подтверждало прежнее заключение Кузьмы о вмешательстве в пейзаж терраформистов. Захотелось посмотреть на людей, отдыхающих в этих местах, ради которых хозяйственники пошли на значительные затраты для облагораживания дикой природы.

Кузьма двинулся было дальше и вдруг услышал голоса. Невольно сбавил шаг, прислушиваясь, потом и вовсе остановился. Разговаривали двое: мужчина и женщина – и, судя по эмоциональной окраске речи, ссорились.

– В конце концов, я мог бы тебя и не приглашать, – зло бросил мужчина.

– Тогда зачем пригласил? – сдавленным голосом отозвалась женщина.

– Да уж не для того, чтобы ты демонстрировала свою независимость. Если ты со мной, изволь делать то, чего я хочу.

– А если не хочу я?

– Тогда не надо было соглашаться. Я специально выбрал место с «зеркалом», угрожал уйму кредитов на подготовку лагеря, пригласил известных людей, и после этого ты закатываешь истерику на глазах у всех и выставяешь меня на посмеище!

– Я не игрушка и не твоя вещь! Со мной так нельзя...

– Я так хочу, поняла?! И будет по-моему! Если я тебя хочу, ты будешь моей где угодно, даже в зале приемов Правительства, даже на Солнце!

– Не буду!

– Будешь!

Возня, стук раскатывающихся камней, тихий вскрик:

– Пусти, мне больно!

Кузьма без колебаний шагнул вперед, отбрасывая ногой камни, чтобы его услышали, и увидел борющихся собеседников. Мужчина повалил женщину, одетую в шорты и майку, на землю и пытался снять с нее шорты, затем одним движением разорвал на ней майку и дал пощечину. Женщина снова вскрикнула.

– Эй, красавец, – окликнул Кузьма. – Нельзя ли обращаться с дамой повежливей?

Мужчина гибко вскочил, оглядываясь, яростно сверкнул глазами. Он был выше Кузьмы на голову и шире в плечах, великолепно сложен, красив, смугл, курчав, носил бородку и усы. Кузьма перевел взгляд на поднимавшуюся женщину и вздрогнул: это была та самая золотоволосая незнакомка, с которой их свела судьба два дня назад. Она попыталась натянуть майку, закрыла грудь рукой и торопливо пошла к лагерю. Мужчина оскалился, догнал ее в два прыжка, рванул за плечо, разворачивая к себе, и дал еще одну пощечину.

– Ты уйдешь, только когда я тебе позволю! Поняла?—Он оглянулся на Кузьму. – А ты проваливай отсюда, пока я не позвал охрану!

Кузьма увидел слезы, стекающие по щекам девушки, и покачал головой.

– Сударь, вы не джентльмен. Она не хочет быть с вами, зачем же удерживать ее силой?

– Проваливай, я сказал, защитник хренов! – Мужчина толкнул девушку в спину. – Иди в лагерь, там поговорим.

В то же мгновение какая-то сила оторвала его от земли и отбросила в сторону. Кубарем прокатившись по каменистому пригорку, он ошеломленно вытаращил глаза и на несколько мгновений затих, затем вскочил.

– Ты... меня... ударил?!

– Остановил, – спокойно сказал Кузьма, поворачиваясь к незнакомке. – Извините, вас проводить?

– Не вмешивайтесь, – покачала головой незнакомка. – У вас могут быть неприятности. Это мое личное дело.

– Может быть, вас проводить на Землю? У меня есть тайф.

– Не надо, я справлюсь сама, уходите.

Девушка вытерла ладошкой мокрые щеки, на одной из которых рдело пятно от удара, и быстро зашагала к лагерю.

– Стой, Екатерина! – рявкнул смуглолицый красавец.

Но она не откликнулась, скрылась за скалой. Тогда мужчина посмотрел на Кузьму, раздвинул губы в нехорошей усмешке и проговорил, растягивая слова:

– Что ж, рыцарь, ты сам захотел на свою задницу приключений, и ты их получишь! Придется тебя проучить, чтоб неповадно было связываться с уважаемыми людьми. Ты же понимаешь, что бывает со свидетелями, попадающими не в то место и не в то время.

– Еще раз ее ударишь – поломаю руки! – глухо сказал Кузьма, включая антиграв.

– Я же тебя везде достану! – донеслось с земли.

– Я тебя тоже, – пообещал Ромашин.

На берег озера он возвращался в недобром расположении духа. Угроз незнакомца Кузьма не боялся, но сам факт конфликта подействовал на него угнетающе. А главное, не хотелось верить, что золотоволосая девушка является женой мерзавца, поднявшего на нее руку, или же любовницей.

Кузьма бросил сумку с шампанским и конфетами в палатку, отвязал плот, собираясь отчалить, и в этот момент из-за скал посыпались с воздуха на берег мужчины в ярких нарядах

популярной объемной расцветки по моде «какаду». Всего их было семеро, а возглавлял отряд смуглолицый красавец, не стеснявшийся поднимать руку на женщину.

– Никак ты куда-то спешишь, приятель? – осклабился он. – погоди, мы еще не договорили. – Он обернулся к своим сопровождающим. – Парни, этот козел напал на Катю и пытался изнасиловать. Накажем мерзавца?

– По полной программе, – отозвались парни, кидаясь сверху на Кузьму.

Тот понял, что отдых его закончился, чем бы ни закончилась «встреча». Драться, доказывать свою правоту не хотелось, но и покорно ждать расправы от компании каких-то высокопоставленных подонков не стоило. Молодые ребята жаждали развлечений, и эти развлечения им надо было предоставить. По полной программе. Впервые в жизни Кузьма пожалел, что не послушался отца и не стал мастером рукопашного боя.

Он вздохнул, одним движением застегнул антиграв и ввинтился в воздух, избегая рук и ног первых нападавших.

Собственно, боем эту воздушно-наземную свалку назвать было трудно. Самыми опасными из всей компании были только двое парней в серых комби – та самая охрана, о которой упоминал смуглолицый богатырь. Они владели рукопашкой, как говорил Ходя, и быстро перекрывали Кузьме пути для маневра. Остальные только размахивали кулаками и сильно вопили, вероятно, считая себя крутыми бойцами. Однако их было много, и справиться с ними Кузьма не мог. Спустя минуту он был сбит на камни, и за него принялся предводитель компании, судя по специфике движений, владевший одним из так называемых «ближневосточных» стилей, присущих адептам боевых искусств Междуречья. Кузьма любил наблюдать за тренировками Ходи и знал, что это такое.

Смуглолицый красавец был выше, шире и мощнее сухощавого на вид, без чрезмерно развитой мускулатуры Кузьмы, и если бы не слишком много говорил, издеваясь над соперником, явно рассчитывая на психическую поддержку приятелей, то быстро расправился бы с неопытным противником, метя в так называемые «точки смерти» на его теле. Он явно хотел покалечить Ромашина или вообще убить. Когда Кузьма понял его намерения, продемонстрировать свою решительность ему окончательно расхотелось. К тому же берег марсианского озера мало походил на арену спортивных состязаний, на которой можно было бороться без риска сломать себе шею. Поэтому Кузьма, получив несколько мощных ударов в грудь и в голову, собрался включить свой тайф и сбежать, но не успел: ударом выпрямленной руки в грудь смуглолицый отбросил его на камни. Оглушенный Кузьма грохнулся спиной о валун и сполз по каменистой осыпи к воде.

– Это будет тебе хорошим уроком, – осклабился смуглолицый. – В следующий раз подумай, прежде чем вмешиваться в чью-то личную жизнь. Вставай, я еще не закончил тренировку.

Кузьма с трудом встал.

Смуглолицый шагнул к нему, начиная картинный разворот для удара, и в этот момент откуда-то вынеслась рубиновая нить, и камень под ногой парня пересекла огненная черта. Он остановился, выхватывая оружие, оглянулся.

Из-за скал появилась летящая на антиграве золотоволосая женщина, одетая в походный комби-костюм песочного цвета. В одной руке она держала большую белую сумку, в другой – пистолет, называемый в обиходе «универсалом».

– Оскар! Прекрати!

Смуглолицый оглянулся.

– Катя?! Почему ты здесь? Кто тебе позволил покинуть лагерь?

– Я сама себе позволила. Опusti «универсал»!

– Ты не понимаешь...

Катя выстрелила, но использовала на сей раз не лазерный импульс, а плазменный разряд. Бледный сгусток вихрящегося перламутрового пламени ударил под ноги Оскару, он отшатнулся и едва не сорвался со скалы вниз. Изумленно вскрикнул:

– Ты что, с ума сошла?! Ты же чуть в меня не попала!

– Брось пистолет и уходи.

Оскар оглянулся на приятелей, не знавших, что делать в такой ситуации, пожал плечами и спрятал «универсал» под куртку.

– Хорошо, я найду этого засранца позже. Не скажешь, куда ты собралась?

– Тебя это не касается. – Девушка опустилась рядом с Кузьмой, удивленно наблюдавшим за ней, помогла ему встать и добраться до плота. Встретила его взгляд, невесело скривила губы.

– Вы так и будете стоять столбом? Поплыли.

Кузьма с готовностью включил движитель, задал автомату курс, и плот двинулся прочь от берега.

– Эй, мастер, – насмешливо позвал Ромашина Оскар, – ты с ней поосторожней в постели, она и укусить может. Лучше привязывай.

В то же мгновение Кузьма выхватил у девушки «универсал» и выстрелил, используя его в качестве полевого разрядника. Невидимый сгусток силового поля вонзился в скалу, на которой стоял Оскар, раздробил ее на куски, и смуглолицый с воплем свалился вниз, на камни, сразу умерив красноречие. Послышались невнятные восклицания, ругань, шум камней, приятели Оскара бросились вытаскивать его, мешая друг другу, и девушка рядом с Кузьмой невольно засмеялась. Потом покачала головой и нахмурилась.

– Напрасно вы так с ним, Оскар злопамятен и обязательно отыщет вас, чтобы отомстить.

– Он слишком много говорит. – Кузьма протянул ей «универсал». – Извините, не сдержался, но хамства не терплю ни в каком виде. Откуда у вас оружие?

– Неважно. Я имела в виду другое. Оскар – сын Артура Мехти, знаете такого?

– Нет.

Девушка удивленно взглянула на Ромашина.

– Артур Мехти – министр общественной безопасности Правительства Земли.

– А-а... То-то этот красавчик показался мне знакомым, отца-то я лицезрел в новостях. Да вы не волнуйтесь за меня, я ведь тоже не беззащитен. У меня тоже есть друзья.

– Как вас зовут, рыцарь?—Катя окинула исцарапанное лицо Ромашина оценивающим взглядом.

– Кузьма.

– И все?

Кузьма засмеялся.

– Кузьма Ромашин, физик-теоретик, ведущий спец института ТФ-проблем. Достаточно?

– Вполне.

– А вас, кажется, зовут Катей?

– Екатериной. Катя я для знакомых, Катька – для друзей. – Она по-новому взглянула на лицо Кузьмы с упрямой складкой губ и прозрачно-кариими глазами. – Комиссар погранслужбы Игнат Ромашин случайно не родственник вам?

– Отец.

Брови Екатерины прыгнули вверх. В ее взгляде сквозь любопытство и удивление протаяло уважение.

– Надо же, какая встреча. А я Катя Лапарра, внучка Яна, советника СЭКОНа⁴. Не помните такую фамилию? Ваш отец и мой дед когда-то работали вместе в секторе безопасности УАСС.

⁴ СЭКОН – Комиссия социального и этического контроля за опасными исследованиями (отдел ВКС).

– Отец мне рассказывал. Действительно, мир тесен. А как вы оказались среди... этих... любителей острых ощущений?

Свет в глазах Екатерины погас, она отвернулась.

– Подруга уговорила.

– Та самая, с которой мы вас встретили?

– Да, это она, Майга.

– Судя по поведению, Оскар – не муж вам?

Катя искоса посмотрела на Кузьму.

– Это имеет какое-то значение?

– Никакого, – покачал он головой. – Просто меня поразили ваши отношения.

Она покраснела, отошла к краю плота, повернулась спиной к Ромашину, глядя на заходящее солнце. Помолчав, проговорила с какой-то необычной тоской:

– Оскар меня спас... рисковал жизнью... и я ему должна быть благодарна.

Но не до такой же степени, хотел возразить Кузьма, однако вслух говорить это не стал. Подкорректировал курс плота, направляя его на северо-восток, к горам Эола, до которых оставалось не так уж и много – километров сорок пути, и занялся уборкой в палатке, мечтая о том, что Катя останется с ним на плоту до конца путешествия. Однако все вышло иначе.

– Где же ваши друзья? – очнулась девушка от каких-то горестных воспоминаний.

– Увы, они себе принадлежат реже, чем хотелось бы. – Кузьма вылез из палатки с надувным матрасом в руках. – Обоих вызвали по какой-то надобности, и я теперь кочую в одиночестве. Если хотите, располагайтесь в палатке, там вполне уютно и тепло, а я переночую на открытом воздухе.

– Спасибо, я, пожалуй, воспользуюсь вашим тайфом, если он у вас действительно есть. Не хочется больше здесь оставаться.

– Что ж, дело ваше. – Кузьма с разочарованием вынес из палатки персональный тайф – тяжелый браслет из лоснящегося чернотой материала с выпуклым синим глазом антенны. О таком в свое время мечтал дед Филипп, рассчитавший вошедшую во все учебники физики «формулу Ромашина».

– Вам его вернут, – усмехнулась Екатерина, застегивая браслет на запястье, – не переживайте.

– Я не переживаю.

– Спасибо за помощь, рыцарь. Может быть, вам тоже не стоит оставаться одному? Этот аппарат вполне потянет двоих.

– Нет, я еще попутешествую.

– Будьте осторожны, не лезьте на рожон, если Оскар начнет вас провоцировать. Я уже говорила: он злопамятен.

– Как-нибудь справлюсь. Я могу надеяться на встречу с вами?

Девушка приподняла бровь, разглядывая нарочито простодушное лицо Ромашина, снова улыбнулась.

– Не обещаю, это зависит не только от меня. Но кто знает? Прощайте.

Над синим глазом антенны тайфа за клубилась серебристая пыль, окутала фигуру девушки снежным вихрем, затем этот вихрь сжался в тонкий луч, ударивший в зенит, и погас. Золотоволосая внучка Лапарры стала частью гигантской сети мгновенного транспорта, соединявшей все планеты Солнечной системы и сотни ближайших звезд, превратилась в суперпозицию информационных полей и переместилась с Марса на Землю, за одно мгновение преодолев более ста миллионов километров.

Кузьма снова остался один, ощутив вдруг прилив горечи и тоски, а также такой властный зов сердца, что едва удержался от поспешных решений: бросить плот, на антиграве добраться до ближайшей станции метро, перелететь на Землю и немедленно отыскать золотоволосую

принцессу по имени Катя. Трезво оценив свое положение, он растянулся на плоту лицом вверх, закинув руки за голову, понаблюдал за быстро тускнеющей малиновой полосой заката, вспоминая все детали знакомства с внучкой Лапарры, и неожиданно поймал себя на мысли, занозой торчавшей в подсознании: откуда у нее «универсал»? С каких это пор молодые девушки носят штатное оружие безопасников? Ведь даже общественная охрана городов имеет право применять лишь парализаторы и электрошокеры. «Универсалы» – уровень спецслужб. На кого же тогда работает Екатерина Лапарра, бросившая вызов сыну министра безопасности? На пограничников, безопасников, на Даль-разведку?

Кузьма приподнялся на локтях, вспоминая поведение девушки, ее решительные действия, и покачал головой.

– Надо было сразу догадаться, – проговорил он вслух. – Если ее дед – советник СЭКОНа, то и она небось там же. Вот только Оскар...

Вот только Оскар, подумал он. Зачем ей такая грубая свинья? Разве что – любовь? Недавно говорят: любовь зла, полюбишь и... м-да. Или все-таки долг? Хорошо бы – только долг... ведь он ее где-то спас... а долг, как известно, платежом красен. Как же этот бандит умудрился ее спасти? Неужели хватило мужества? Надо бы выяснить...

С этой мыслью Кузьма уснул.

Утром он свернул палатку, упаковал снаряжение в походный кокон, повесил его на антиграве, перепоясался вторым антигравом и взял курс на запад. Примерно в ста двадцати километрах от озера Валлес Маринерис в долине Арес Валлес располагался второй по величине город Марса – Патфайндер, откуда можно было по линии метро добраться до Земли.

Весь путь до Патфайндера занял около трех часов. Никто за Кузьмой не следил, никто не преследовал, и останавливался он всего один раз – посмотреть на обнаруженное сверху «зеркало».

Давно было известно, что «зеркала» представляют собой не только пассивные накопители информации, но и своеобразные хрономембраны, особые объекты с «глубокой хронопотенциальной ямой». Их создателей не удалось обнаружить до сих пор, хотя погранслужба и служба безопасности УАСС сделали все возможное и невозможное для их поисков. Однако таинственный хозяин «зеркал», прозванный Наблюдателем, отказывался контактировать с людьми, а его «зеркала» продолжали появляться в контролируемой землянами области космоса и следить за деятельностью человеческой цивилизации, и поделаться с этим ничего было нельзя, приходилось как-то мириться, а в последнее время и охранять «зеркала», чтобы любопытствующие экспериментаторы, в основном дети и студенты учебных заведений, не рисковали своей жизнью ради бахвальства, бравады и эффектных фокусов с «хроновывертами». Эксперименты с «мертвыми зеркалами», неотличимыми от обычных, все чаще заканчивались гибелью людей.

В Патфайндере Кузьма задержался лишь для того, чтобы сдать туркоконт в грузовое окно метро, а сам налегке отправился на Землю.

В Москве стоял поздний вечер середины марта: леса вокруг жилых комплексов были еще все в снегу, температура минус пять, безветрие, небо ясное, вспыхивающее полотнищами реклам, сквозь которые не всегда могли пробиться лучи звезд. Однако в конце двадцать четвертого века это было обычным зрелищем и особых эмоций ни у кого не вызывало. Хотя сам Кузьма рекламу не любил, зная ее агрессивную направленность на увеличение объема материального потребления.

Строгинская жилая гроздь со стороны действительно напоминала исполинскую виноградную гроздь высотой около двух километров. Такси-антиграв доставило Кузьму на сто десятый ярус комплекса, он вышел в парковое кольцо и направился к своему жилому блоку под номером «1001». Блок имел пять комнат: рабочий модуль, гостиную, спальню, каминный зал, мастерскую – для театральных репетиций жены, – и узел хозяйственного обслуживания. Алев-

тина готовить не умела, кухню не любила, и чета Ромашиных питалась с помощью линии доставки или в ресторанах парковой зоны.

Входная дверь разошлась лепестками диафрагмы, узнавая хозяина, Кузьма вошел, и его сразу оглушили звуки музыки: у жены были гости. Он уезжал под этот шум и приехал – в такой же шум. Складывалось впечатление, будто компания друзей Алевтины отсюда не уходила, и гуляния продолжались все шесть дней, пока отсутствовал Ромашин. Кроме того, он не узнал своей собственной квартиры.

Современное градостроительство давно перешло на городские ландшафты с «плывущей геометрией», используя принципы индивидуальной застройки, хотя и подчиняющейся единой концепции того или иного жилого массива. Однако главным звеном этой геометрии были жилые модули с конформно изменяющимся интерьером, использующие материалы с многовекторной внутренней симметрией, которые могли изменять форму комнат, мебели в широком диапазоне используемых программ. Такой же программой руководствовался и Ромашин, подогнав убранство модуля под свои (плюс жена) вкусы. Теперь же его дом был полностью изменен, гостиная превратилась в подобие пляжа, а во что превратились другие помещения, можно было только догадываться.

Кузьма прошествовал на «пляж» гостиной, увидел ряд шезлонгов, пляжные диваны, матрасы, на которых сидели и лежали обнимающиеся и целующиеся молодые люди в нарядах, которым трудно было подобрать эпитеты, жены среди них не увидел, пересек гостиную (на него не обратили никакого внимания) и открыл дверь в спальню.

Это помещение тоже претерпело трансформацию, превратившись в круглый будуар с небольшим бассейном у стены. На огромной роскошной кровати, занимавшей чуть ли не всю спальню, удобно расположилась обнаженная парочка (Аля когда-то познакомила мужа с актером Милославовым и его подругой Соней – это были они) и, воркуя, пила вино из высоких зеленоватых бокалов. Больше всего Кузьму взбесило именно это невинное обстоятельство – бокалы, доставшиеся ему в наследство от прабабки Маши.

Он шагнул к смятой кровати, дал оплеуху актеру Милославову, так что тот выронил бокал (Кузьма успел его подхватить) и слетел на пол. Затем бросил ему одежду.

– Одевайтесь, и чтоб духу вашего здесь не было!

– Как ты смеешь?! – заикнулась было Соня.

Кузьма сдернул ее с кровати, шлепнул по голому задку и подтолкнул к двери.

– Вон!

После этого он вернулся в гостиную, выключил конформатор (гостиная приобрела вид бункера с голыми серыми стенами), затем эйдомузыкальную установку и в наступившей тишине сказал раздельно:

– Все вон!

Кто-то охнул, удивленно хихикнули девицы с невообразимо сложными прическами. Мужчина, обнимавший их, проворчал что-то насчет «узурпаторов, не имеющих никаких прав». Кузьма подошел к нему, рывком за воротник блузона поднял с дивана и толкнул к двери.

– Вон!

Мгновение все гости Алевтины немо взирали на вернувшегося хозяина, потом засуетились, стали собираться и потихоньку исчезать. Какой-то молодой «носитель творческой свободы» попытался было устроить революцию и даже снова включил музыку, но Кузьма без особых церемоний скрутил ему руку, довел до двери и вышвырнул на светящуюся дорожку паркового кольца. Остальные гости бузить и сопротивляться не решились.

Гостиная опустела. Кузьма заглянул в свой рабочий модуль (никого, слава богу!) и открыл дверь в мастерскую Алевтины. В лицо пахло сложным набором запахов: пот, духи, наркотический дым сигарет, ароматы выпитых напитков.

Жена была не одна. Двое блестящих от пота мужчин танцевали с ней, полуобнаженной, под медленную музыку «магической эротики», по очереди целуя Алю, прижимаясь к ней и сбрасывая с нее одежду. Еще двое мужчин и женщина смотрели на этот эротический спектакль блестящими глазами и молча курили тонкие и длинные черные кайфьяносы – запрещенные минздравом Земли сигареты, возбуждающие подкорку и вызывающие психическую аберрацию сознания.

Эра повальной «виртуализации» человечества прошла. Видеоигры, достигшие чуть ли не абсолютного совершенства, уводившие людей в виртуальные миры до полной потери чувства реального, сильно сократившие численность населения наименее развитых зон Земли, таких, как Северная Америка и Восточная Азия, канули в прошлое. Возвращалась эра биохимических стимуляторов и психоделитиков нового поколения, поражающих центральную нервную систему изподволь, медленно и неотвратно, снижающих интеллект и создающих слой моральных уродов, готовых ради кайфа на все. Кузьма не раз слушал сообщения о распространении индустрии «химических» развлечений, от которой особенно страдали дети наиболее обеспеченных родителей, имеющих средства и не контролирующих досуг своих детей, но сам сталкивался с кайфьяносами впервые.

Стараясь не дышать, он выхватил у курящих сигареты и вытолкнул мужчин за дверь. Вернулся, дал под зад женщине в псевдомехах, так что та взвизгнула, выключил музыку и одного за другим вышвырнул танцующих мужчин в коридор, не обращая внимания на оцепеневшую, обхватившую руками грудь жену.

Выгнав последних гостей, он вернулся в дом и принялся наводить порядок, придавать комнатам первоначальный вид и убирать мусор, призвав на помощь домового, который подключил к процессу юрких домашних уборщиков.

Квартира почти приобрела прежний идеальный вид, когда в гостиную вошла Алевтина, одетая в длинное облегающее платье, похожее на полупрозрачную, мерцающую зеленоватым светом, змеиную кожу.

– Тебе не кажется, что ты себе много позволяешь?

Кузьма молча рассматривал жену, красивую до умопомрачения, вызывающе женственную, уверенную в себе, и вдруг понял, что она ему абсолютно чужая!

Это не было откровением или озарением, они шли к этому состоянию достаточно долгое время, чтобы понять и принять отдаление душ, а затем и тел, и все же это было грустное открытие.

Алевтина занервничала, обеспокоенная его молчанием.

– Может быть, ты объяснишь, что происходит? – Она вдруг заметила синяки и царапины на его лице. – Что с тобой? Ты подрался?

Кузьма продолжал изучать лицо жены, находя в нем новые черточки: морщинки у припухлых губ, часто складывающихся в ироничную полуулыбку, тени под глазами, на дне которых прятался испуг. И одновременно агрессивное желание оправдаться. Интересно, найдет ли она довод, который заставит его перейти на ее сторону?

– Давай поговорим без обычных истерик, – сказал он наконец почти миролюбивым тоном. – Пора рубить этот затянувшийся узел. Время показало, что мы совершенно разные люди, а подстраиваться под твоё настроение и «творческие поиски» я больше не хочу. Предлагаю мирно разойтись по разным квартирам.

– Ты нашел другую женщину, – утвердительно проговорила Алевтина, с интересом окинув его взглядом.

Кузьма вздрогнул. Раньше жена не обнаруживала такой прозорливости, но ведь и он не давал повода. А женская интуиция редко прогнозируема и срабатывает именно тогда, когда этого не ждешь.

– Я сыт по горло твоими друзьями и постоянными тусовками в моем доме. Если хочешь, чтобы мы жили вместе, измени образ жизни. Иначе...

– Что? – высокомерно приподняла брови Алевтина. – Иначе что?

– Мы расстанемся.

– Тебе не кажется, что ты ведешь себя как тупой мещанин?

Кузьма покачал головой, с сожалением глядя на изменившееся лицо жены.

– Зато ты ведешь себя как... – Он хотел добавить: «С кем из своих друзей ты еще не спала?» – но не стал этого делать. – Давай не будем опускаться до обывательской перепалки. Я сейчас отделию свой рабочий модуль от всей квартиры, сделаю отдельный вход, и ты сможешь заниматься в оставшейся части всем, чем угодно. Потом что-нибудь придумаем. Возможно, я переселюсь к родителям.

– Что же все-таки произошло? – любопытствовала Аля, отнюдь не огорошенная и не расстроенная решением мужа. – Ты же всегда терпел...

– Запасы терпения не вечны. Мы не любим друг друга, не стоит сохранять вид благополучной пары.

– И как же ты будешь жить без меня? Уже есть программа?

Кузьма невольно улыбнулся.

– А я уже давно живу без тебя, ты просто этого не замечаешь. Я ведь нужен тебе только в качестве фирменной этикетки: мальчики – это мой муж Кузя Ромашин, знаменитый ученый, он участвовал в экспедиции к центру Галактики, умеет петь, плясать и готовить барбекю. Кузя, покажи свое искусство.

– Ты болен, – поджала губы Аля. – Тебя надо лечить.

– Нельзя вылечить больного, который считает себя здоровым. Итак, Алевтина свет Венедиктовна, я могу считать, что мы мирно разошлись по сторонам?

– Ты не понимаешь, что делаешь.

– Наоборот, я наконец понял, что надо делать.

– Не пожалеешь?

– Вряд ли.

– А если я заставлю тебя изменить решение?

– Каким образом? – удивился Кузьма.

Алевтина приблизилась к нему, ступая по-особому соблазнительно и призывно, закинула ему руки за шею, прижалась всем телом, облизывая губы языком. Волна желания ударила в голову Кузьмы, закружила, заставила напрячься мужское естество, ощутить жар и упругую податливость прекрасной женской плоти. Он едва сдержался, чтобы не стиснуть ее в объятиях и не усыпать лицо и шею поцелуями, как делал всегда, когда она этого х о т е л а. Чувствуя, что теряет волю (все-таки у нее явно задатки колдуньи), Кузьма грубо отстранил Алю от себя, сделал шаг назад, сказал хрипло:

– Прием хорош, но однообразен. Кончим на этом.

В гостиную неожиданно вошел длинноволосый молодой человек в ярко-голубом унике с радужными просверками в паху и под мышками. Его Кузьма уже видел в компании с Алей, это был один из актеров Архангельского театра оперетты, где сейчас выступала Алевтина.

– Я немного опоздал, – сказал он с улыбкой, не здороваясь и не глядя на Кузьму. – Что у нас сегодня запланировано?

– У нас сегодня развод по-настоящему, – усмехнулся Кузьма. – И ты здесь лишний. Выйди и подожди в парке, пока не позовут.

Молодой человек с модной степенью небритости на лице мотнул головой, убирая волосы со лба, перевел взгляд на Кузьму, пожал плечами, снова повернулся к Алевтине:

– А где остальные? Биткин обещал принести черный кайф...

Кузьма шагнул к нему, перехватил руку и повел пискнувшего от неожиданности гостя к выходу в полуприседе, вытолкнул за дверь, вернулся в гостиную, где Аля ждала его с задумчивым выражением лица.

– Сегодня заниматься разделом уже поздно, я перепрограммирую модуль завтра, не возражаешь? Спокойной ночи, дорогая.

– Зачем ты выгнал Митю? Он славный, талантливый, симпатичный мальчик.

– Конечно, славный, и, как все таланты, слегка невоспитанный. Посоветуй ему не убирать волосы со лба, а то на нем написано: идиот.

– Да, ты изменился, – покачала головой Аля не то с удивлением, не то с сожалением. – Жаль, я этого не поняла раньше.

Кузьма отступил еще на шаг, удерживая готовые сорваться с языка ненужные вопросы и слова, поклонился и вышел из комнаты, направляясь в свой рабочий модуль на втором этаже, который дед называл старинным словом «кабинет». Душа молчала, будто ее происходящее не касалось вовсе, и лишь оказавшись один в четырех стенах небольшого помещения с комплексом видео, компьютерным анализатором и приставкой инка, Кузьма ощутил странное облегчение с оттенком грусти. Ощущение было действительно необычным, словно он долго решал какую-то сложнейшую задачу, решил-таки ее и при этом потерял часть личности – нечто эфемерное, прозрачное, неуловимое, но важное, необходимое, принадлежащее внутреннему миру и наполнявшее душу уверенностью в своей правоте.

Перед внутренним взором всплыла фигура Кати, внучки Лапарры. Она смотрела на него строго, ожидающе, с недоверием, и Кузьма молча развел руками, как бы приглашая девушку саму оценить его состояние.

Захотелось спать. Приказав домовому никого в кабинет не впускать, он устроился на диванчике как был – в одежде и мгновенно уснул, будто кто-то нажатием кнопки выключил сознание.

Однако выспаться ему не дали.

Ровно в два часа ночи позвонил дед Филипп:

– Надеюсь, я тебя не разбудил?

– Разве что самую малость, – пробурчал сонный Кузьма, пялясь на физиономию деда в растворе виома. – Как ты узнал, что я уже дома?

– Или я уже не директор УАСС? Сорока на хвосте принесла.

– А ты знаешь, директор, который сейчас час?

– Всего лишь двенадцать по среднесолнечному. Кончай ворчать, собирайся и выходи. Тебя встретят.

Сон слетел с Кузьмы окончательно, он даже зевок проглотил.

– Кто меня встретит?!

– Узнаешь. Жду тебя через полчаса на второй лунной базе.

Виом превратился в белесое облачко, свернулся в нить и погас.

Кузьма почесал в затылке, размышляя, что могло случиться в конторе деда и зачем он ему понадобился в такое время, потом очнулся и побежал умываться. О том, что квартира ему как бы уже и не принадлежит, Кузьма вспомнил, встретив в коридоре полуодетую жену. Хотел было поинтересоваться, что она тут делает, но вовремя прикусил язык.

– Ты далеко? – спросила Аля, кутаясь в ажурный кусок ткани, почти не скрывающий прелестей тела.

– За кудыкины горы, – буркнул он. – Извини, если разбудил.

– Может быть, посидим за бокалом вина, поговорим?

– Мне некогда.

– А куда ты спешишь, если не секрет?

– К деду.

Объяснять больше ничего не хотелось, поэтому Кузьма скрылся в туалетной комнате, ополоснул водой лицо, решая, стоит бриться или нет, потом порылся в своем платяном шкафу, переоделся в уник со стандартной энергоподпиткой и, не отвечая на красноречивый взгляд Али, вышел из дому.

К удивлению Кузьмы его действительно ждали, и не кто иной, как Ходя собственной персоной. То есть Хасид Хаджи-Курбан, по его уверениям – чистокровный перс в тридцатом колене, улыбчивый, смуглолицый, чисто выбритый, черноволосый и черноглазый, высокий, гибкий и сильный. Однако отличительной его чертой Кузьма считал немногословие. Выражался Ходя исключительно лаконично.

– Привет, – протянул он руку Кузьме, демонстрируя свою обычную извиняющуюся улыбку.

– Ну, дед, погоди! – проворчал в ответ Кузьма. – Мог бы и предупредить. Или ты ко мне по другой надобности? Дед сказал, что меня ждут, но не объяснил – кто.

– Я.

– Понятно. Зачем я ему понадобился?

– Он сам расскажет.

Кузьма давно убедился, что из Ходи лишнего слова клещами не вытянешь, поэтому расспрашивать его больше не стал.

– Где твоя машина?

– Рядом.

Они обогнули парковое кольцо, свернули в проход, ведущий из парковой зоны к выходу из «виноградины» сто десятого яруса Строгинской грозди, сели в четырехместный куттер с красной полосой по борту и мигалкой аварийно-спасательной службы, и автомат открыл им окно в прозрачном колпаке сферозоны.

Пока летели к метро в ночной темноте, Кузьма рассказал другу о своих приключениях на Марсе, и Ходя пообещал разобраться с Оскаром Мехти, выяснить, что он за человек, кем ему приходится девушка Екатерина, внучка Лапарры, и каким образом он ее спас.

Затем Хасид связался с каким-то «вторым» и «сто шестым», выяснил, что «горизонт чист» и все тихо, посоветовал «покачать частоты визинга», и через минуту они вышли у станции метро, располагавшейся практически рядом со Строгинской жилой зоной, прямо над рекой возле Серебряного Бора. Но пошли не в зал станции, способный отправить и принять одномоментно около четырехсот человек, а обошли купол станции и свернули к двери с табличкой: «Только для технического персонала».

Кузьма хотел спросить: «Куда это мы?» – но Ходя опередил его:

– У нас своя линия.

«У нас» означало – у сектора безопасности, и Ромашин поехал, внезапно осознавая, что ночной вызов деда не является розыгрышем и не объясняется желанием старика пообщаться с внуком, а несет в себе некую тревожную информацию. В свое время, семьдесят или около того лет назад, деда Филиппа точно так же срочно вызвали в отдел безопасности, и это круто изменило его судьбу.

Никто не попался им навстречу, не смотрел вслед, никто не встречал и не охранял служебный вход, и тем не менее у Кузьмы сложилось впечатление, что постороннему человеку пройти здесь не удастся. Современные методы охраны тайны позволяли держать секреты под замком без видимого присутствия людей и технических систем.

Короткий коридор с плавающим сектором освещения идущих. Автоматически открывающиеся и закрывающиеся за спиной двери, световая нить опознавания, зеленый зигзаг разрешенного доступа, небольшая кабина метро.

Ходя вошел, посторонился, пропуская Кузьму. Свет в кабине погас, сердце на секунду сжалось, кольнуло глаза. Свет вспыхнул снова, дверь открылась. Кузьма почувствовал легкость

во всем теле и понял, что они действительно перенеслись на Луну. Ходя вышел первым, доложил кому-то:

– По всем уровням – ноль.

– Хорошо, – раздался хорошо знакомый басовитый голос деда.

Кузьма вышел из кабины и оказался лицом к лицу с дедом Филиппом, одетым в униформу официала УАСС с нашивками высшего должностного лица.

– Привет, внук, – сказал седовласый, крупногабаритный, мощный, несмотря на возраст, директор Управления, обнимая Кузьму.

– Привет, дед, – ответил Ромашин-младший, чувствуя себя не в своей тарелке; хотя, с другой стороны, он был очень рад встрече. – Надеюсь, это не похищение и не арест?

– Обещать не могу, – хладнокровно проговорил Филипп с насмешливыми искрами в глазах. – Все будет зависеть от расположения звезд. Хасид, ты ему дал что-нибудь?

– Нет, – мотнул головой молодой человек.

– Хорошо. Тогда загружаемся обратно. Объяснять причину твоего вызова придется на месте, нас уже ждут эксперты.

Директор УАСС подтолкнул растерявшегося Кузьму в кабину метро, шагнул следом, за ним вошли Ходя и еще один мужчина в сером униформе муниципала безопасности, и дверь закрылась.

– Куда мы?—вырвалось у Кузьмы.

– На Тритон, – ровным голосом ответил дед.

Глава 3

«ПОТРЯСАТЕЛЬ МИРОЗДАНИЯ»

Спутник Нептуна Тритон, открытый земными астрономами еще в тысяча восемьсот сорок шестом году, представляет собой каменисто-ледяное тело размером с земную Луну и точно так же, как Луна к Земле, всегда повернут к Нептуну одной стороной. С точки зрения ученых, это довольно необычный спутник, потому что его орбита не имеет эксцентриситета, а вращается он вокруг Нептуна в обратную сторону, причем синхронно с вращением самой планеты.

Значительная часть поверхности Тритона покрыта океаном жидкого азота глубиной всего в несколько метров. Атмосфера у него тонкая и разреженная и состоит в основном из азота с примесью метана. Сила тяжести на поверхности Тритона не превышает одной пятой земной, то есть близка к лунной, поэтому передвигаться в этом мире довольно легко, хотя это требует определенной сноровки.

По оценке ученых, Тритон обречен. Потери энергии вращения в приливном взаимодействии с Нептуном таковы, что он постепенно приближается к своему патрону и через несколько миллионов лет должен войти в зону Роша, в результате чего приливные силы разорвут его на части. Однако это обстоятельство не помешало землянам построить на Тритоне несколько исследовательских станций и туристический модуль, а также пробурить в его коре несколько десятков скважин и две шахты. Одна из этих шахт, достигшая глубины ста с лишним километров, заканчивалась сферической полостью диаметром в километр, и в этой полости был смонтирован агрегат, получивший много десятилетий назад образное название «Потрясатель Мироздания».

От деда и отца Кузьма не раз слышал рассказы об Австралийском эксперименте «галактического просвечивания», в результате которого люди получили полную картину взаимодействия черной дыры, звезд и тяготеющих масс в центре Галактики. Знал он и о постройке на Тритоне более мощной установки для ТФ-взрыва, но видел ее впервые в жизни и был поражен масштабами строительства, а более того – замыслом экспериментаторов. По идее ученых, разработавших установку, мощный ТФ-взрыв должен был «высветить» не только ближайшие галактики, но и всю Метагалактику, что дало бы колоссальный прорыв в знании об устройстве Вселенной. Однако после Австралийского эксперимента, во время которого погиб ведущий ученый института ТФ-связи, учитель и руководитель деда Кирилл Травицкий, от эксперимента на Тритоне отказались. По многим причинам. В том числе – по причине вмешательства Наблюдателя. Но «Потрясатель Мироздания» не уничтожили и даже не разобрали на части, а законсервировали. Кузьму же, как известного теоретика тайфага, вызвали на Тритон для того, чтобы он в составе бригады экспертов оценил готовность «Потрясателя» к работе.

– Вы что же, хотите все-таки взорвать эту бомбу?—спросил ошеломленный перспективой Кузьма. – Но ведь ты сам считал, что взрыв опасен, он вполне способен расщепить метрику пространства во всем объеме Метагалактики...

– Во-первых, мои расчеты сделаны семьдесят лет назад, – ответил Филипп. – Теперь твоя очередь. Во-вторых, ты должен будешь продолжить с того момента, на каком расчеты закончил я. Но «Потрясатель» нужен нам для другого дела.

– Какого?

Филипп долго не отвечал, глядя на гигантский щетинистый шар в центре полости, похожий на каштан, удерживаемый шестью штангами толщиной в туловище человека и казавшимися издали металлическими паутинками.

Группа прибывших с Земли специалистов Управления аварийно-спасательной службы стояла на балюстраде, опоясывающей сферическую полость чуть выше плоскости, проходящей через ее центр. Воздуха в полости не было практически никакого, и люди пользовались поясами бизо – блоков индивидуального жизнеобеспечения, создающих невидимый кокон защитного поля и пригодную для дыхания атмосферу внутри кокона.

Директор УАСС наконец перестал созерцать «каштан» «Потрясателя» и покосился на Кузьму, стоявшего рядом с выражением недоверия и священного трепета на лице.

– По оценке специалистов, в Системе насчитывается около миллиона простых «зеркал» и около восьми сотен «мертвяков». Это пахнет уже не любопытством Наблюдателя, а агрессией. Смекаешь? «Зеркала» не просто мешают нам жить и работать, они начинают нас доставать. Есть идея уничтожить их все разом.

– С помощью «Потрясателя»?! – догадался Кузьма.

– Ты уже работал с «зеркалами» как с хрономембранами и топологическими преобразователями и знаешь границы применения ТФ-теории. Тебе и карты в руки. «Зеркала» можно уничтожить только с помощью ТФ-резонанса.

Кузьма хотел возразить, что под таким углом зрения он «зеркала» не рассматривал, но дед уже направился к площадке с капсулой доставки, и Ромашину ничего не оставалось делать, как последовать за ним.

В капсулу доставки уместились не все, поэтому сначала к «Потрясателю» отправились трое прибывших вместе с директором, в том числе Кузьма и Ходя, следовавший за другом с невозмутимостью витса⁵.

Вблизи установка для взрывного возбуждения ТФ-поля уже не воспринималась как компактное техническое устройство, она скорее представляла собой некий гротескный город, состоящий из металлокерамических секций, которые крепились друг к другу с помощью специальных «вилков». Каждая секция, в свою очередь, состояла из множества гранул, соединяющихся по принципу пшеничного колоса, стометровый слой таких «колосьев» образовывал сферическую антенну для «высших гармоник» ТФ-поля, а собственно генератор тайфаговых, или, как их еще называли, торсионно-фрактальных полей, был вложен в шар «Потрясателя» как гигантская косточка в персик.

Вся сложнейшая аппаратура контроля и синхронизации взрыва и управления периферийной автоматикой располагалась в центре колючего шара. Командовал ею инк по имени Гром. Когда делегация экспертов добралась до центра управления через узкий тоннель, напомиавший червоточину в яблоке, Филипп объявил начало работы.

Эксперты УАСС должны были осмотреть все секции «Потрясателя» и дать заключение о готовности каждой к эксплуатации. Кузьме досталась задача включить центральный компьютер и побеседовать с ним в режиме «один-на-один» для выяснения характеристик колоссальной «интеллектуальной бомбы» и готовности Грома выполнить эксперимент в оптимальном режиме.

Никаких удобств для прибывших гостей, естественно, конструкторы «Потрясателя» не предусмотрели. Бомба она и есть бомба, предназначенная для уничтожения чего бы то ни было, а то, что эта бомба управляется мощным искусственным интеллектом, не меняло ее функционального назначения. Однако в небольшой шестиметровой каверне, в центре сферы управления взрывным устройством, все же наличествовало кокон-кресло для оператора, и Кузьма не без облегчения занял это сооружение, похожее на матово-белый цветок тюльпана. Работать с инком в режиме «один-на-один» без аудио-видео-мента-обмена он бы не смог.

⁵ Витс – высокоинтеллектуальная техническая система; термин, заменивший устаревшие названия таких систем типа «кибер» и «робот».

– Никаких мысленных ускорений, никаких мозговых штурмов, – предупредил его Филипп. – Ты должен всего лишь оценить состояние Грома, проспавшего в консервации семьдесят лет.

– Он уже устарел, – пробормотал Кузьма. – Инк-техника сейчас использует квантовые осцилляции вакуума, а Гром наверняка – электрон-фотонная машина с уровнем не выше «септа».

– Он создавался с большим запасом быстродействия и надежности и был самой мощной инк-машиной того времени. К тому же его быстродействия для решения прямой задачи хватало. Приступай.

Лепестки «тюльпана» ожили, прижались к телу оператора, и Кузьма оказался запеленутым в своеобразное упругое яйцо с теплыми шелковистыми стенками. Затем включилась аппаратура кресла, и Кузьма перестал ощущать материал кокона и вообще чувствовать пространство вокруг.

Он оказался в некоем многоугольнике с перламутровыми стенами. Напротив в обычном кресле сидел приятной наружности человек средних лет в черном комбинезоне, с усталым строгим лицом. Заметив взгляд Кузьмы, он мысленно заговорил:

«Приветствую вас на борту «Потрясателя». Я Гром, инк-водитель этого левиафана. Прошу прощения, если мой интеллектуальный уровень покажется вам низким».

«Почему ты заговорил об этом?» – спросил Кузьма.

«Я слышал ваш разговор. Любая машина отражает уровень своих создателей. Я не исключение. Начинайте тестирование. Ведь вы прибыли для этого?»

«Не только. – Кузьма постарался скрыть смущение. – Мне поручено оценить состояние «Потрясателя», но прежде я хотел бы поговорить с тобой о цели эксперимента и о возможных последствиях. У тебя есть такие данные?»

«Разумеется, однако хочу заметить, что доступ к ним ограничен, а специфика эксперимента требует специальных знаний».

«У меня есть доступ, и я специалист в области ТФ-теории».

«В таком случае возражения снимаются. Цель эксперимента, доверенного мне, состоит в ударном возбуждении ТФ-поля в объеме Метагалактики. Эхо ТФ-взрыва, отразившись от всех объектов Мироздания, будет уловлено специальными антеннами, и мы узнаем точное расположение объектов, а также сможем оценить их параметры. Что касается последствий, то этими расчетами занимался аналитический отдел СЭКОНа, у меня их нет. Знаю только, что по каким-то причинам эксперимент был остановлен. Следовательно, он небезопасен».

«С момента постройки «Потрясателя» прошло много лет, получены новые данные, многие разделы ТФ-теории подкорректированы, разработаны краевые задачи применения, доказаны связи микроквантовых явлений с мегакосмосом через ТФ-поле».

«Это интересно, – вежливо сказал собеседник. – Тогда, может быть, начнем оперировать математическим аппаратом теории?»

«Изволь», – согласился Кузьма, мысленно выводя формулу ТФ-поля, которое можно было интерпретировать и как систему топологических свойств пространства, и как особое поле, создаваемое вращением виртуальных частиц, заполняющих вакуум.

Гром ответил каскадом уравнений, на котором базировался эксперимент «высвечивания» Метагалактики, и беседа приобрела иной уровень, разворачиваясь в «десятимерном» семантическом пространстве, форма которого менялась в зависимости от мысли каждого собеседника. Длилась эта беседа всего несколько минут – по независимому времени, но Кузьма устал от нее так, будто провел в дискуссии сутки. Режим «один-на-один» всегда отнимал у собеседника-человека много психической энергии, поэтому и разрешался лишь в исключительных случаях.

Лепестки «тюльпана» перестали сжимать тело Ромашина, он попытался выбраться из операторского кресла, но Филипп жестом остановил его:

– Посиди немного, отдохни. Я знаю, каково после сеанса.

Подошел Ходя и протянул Кузьме открытую бутылку с тоником. Ромашин благодарно кивнул, залпом выпил полбутылки и откинулся на спинку кресла, чувствуя облегчение. Текущий хаос геометрических конструкций перед глазами – отражение беседы с инком – стал бледнеть. Возбужденный мозг, оперирующий сложнейшими математическими преобразованиями, начинал успокаиваться.

– Он в порядке, – сказал Кузьма сиплым голосом. – Никаких сбоев, тесты прошел блестяще, состояние всех цепей в пределах допустимых отклонений. Но эксперимент действительно проводить было нельзя.

– Я понял это еще семьдесят лет назад, – проворчал Филипп. – Успел заблокировать и отстрелить инициатор реакции буквально за несколько мгновений до взрыва.

Кузьма озадаченно посмотрел на деда.

– Этого не может быть. То есть я хотел сказать, что инициатор на месте, я его тестировал...

– Это второй экземпляр, резервный, из благих намерений он был смонтирован на случай отказа первого.

– Где-то я читал, – хмыкнул Кузьма, – что всякий раз, когда человек допускает глупость, он это делает из благородных побуждений. Итак, моя миссия закончена?

Директор УАСС покачал головой, с неопределенным сомнением глядя на внука, перевел взгляд на Ходя:

– Хасид, собирай экспертов у метро, мы подойдем чуть позже.

Безопасник ушел.

– Твоя миссия только начинается, – негромко проговорил Филипп, когда они остались одни в каверне управления с похожими на светящийся лед стенами. – Необходимо рассчитать параметры нового взрыва, который уничтожил бы «зеркала», не затрагивая метрику пространства. Ну, или почти не затрагивая.

– Вряд ли это возможно, – скептически усмехнулся Кузьма. – Параметры «зеркал» близки к параметрам «струн» метро, ты же знаешь. Изменяя одни, мы неизбежно изменим другие. Вся система метро полетит к чертовой матери!

– Вот и реши эту проблему, – обыденным тоном сказал Филипп. – Ты сможешь, я уверен. Если смотреть на «зеркала» как на хрономембраны, создающие тоннели перетекания энергии из прошлого в будущее и обратно, то поискав в этом направлении, можно выйти на эксперименты с локальным изменением мерности времени.

– Это опасная мысль, дед.

– Как сказал классик: мысль, которая не опасна, не достойна того, чтобы называться мыслью. Ты же проводил цикл расчетов по мнимым структурам, введи эти расчеты в аппарат ТФ-теории с выходом на трехмерное тело времени.

Кузьма с любопытством и недоверием заглянул в прозрачно-серые умные глаза Филиппа.

– Дед, да ты никак занимаешься теорией?

– Для поддержки тонуса, – усмехнулся директор Управления. – Чтобы не потерять форму. Ну что, согласен?

Кузьма вылез из кресла.

– Как я могу отказать, если ты просишь?

– Я так и думал. Работать будешь не у себя дома и даже не в институте, а здесь, на Тритоне. Мы смонтируем отдельный терминал для связи с Большим Умником Управления.

– Зачем?—удивился Кузьма. – В институте у меня тоже хорошая машина...

Филипп, шагнувший было к выходу, обернулся к внуку и приблизил лицо к его лицу:

– Мальчик, эта работа секретна! Никто не должен знать, чем ты занимаешься. Ни жена, ни друзья, ни родственники.

– А отец?

– Отец знает. Но главное, чтобы не узнал Наблюдатель. Прежде чем собраться здесь, на Тритоне, мы выявили все «зеркала», следящие за «Потрясателем», и заблокировали их. Наблюдатель явно что-то готовит, и мы должны действовать быстро и тайно, чтобы если не упредить, то смягчить удар.

– Почему ты решил, что он готовит удар?

– Я передам тебе интенционал по этой проблеме, сам все поймешь. Никому ни слова! Договорились? От этого будет зависеть не только успех операции, но и твоя жизнь. С этого момента ты будешь находиться под негласной опекой безопасников.

– Я сам могу за себя постоять.

– Это условие работы.

– Но я не работаю на Управление!

– Кто тебе сказал?—поднял бровь Филипп.

Кузьма невольно засмеялся.

– Ох и умеешь ты уговаривать, дед. Ладно, будь по-твоему, но пусть меня опекает кто-нибудь из знакомых, хотя бы Ходя.

– Хорошо, это будет полковник Хаджи-Курбан.

Они выбрались из недр «Потрясателя», дождались капсулы доставки, и та перенесла их на балюстраду, откуда открывался вид на «каштан» взрывной установки. Оба, не сговариваясь, оглянулись на нее. У Кузьмы мелькнуло странное подозрение, что за ними наблюдают чьи-то внимательные глаза, но проверить это ощущение он не успел. Филипп повернулся к шару «Потрясателя» спиной и направился по тоннелю к подъемнику, который около двух часов назад опустил их с поверхности Тритона сюда, на глубину ста километров. Кабину метро устанавливать здесь не стали, предполагалось, что полость в недрах Тритона вместе с шахтой существует недолго, то есть только до момента взрыва.

Под куполом, венчавшим шахту, Филипп выслушал доклады экспертов, дожидавшихся его вместе с Хасидом, напомнил об ответственности каждого за утечку информации, и все заняли места в галионе, который за полчаса домчал группу до поселка исследователей, имевшего собственную станцию метро. Здесь Кузьма и Филипп задержались, попрощавшись с немногословными парнями из технической бригады УАСС.

– Я все понял, – пробормотал Кузьма в ответ на вопросительный взгляд деда, – кроме одного. В институте меня наверняка спросят о причине моей самодеятельности, и я должен буду что-то ответить.

– Отвечать ничего не придется. Твоему начальству позвонит зампред ВКС⁶ и сообщит, что ты какое-то время будешь работать на Правительство Земли. Что, в принципе, в какой-то степени соответствует истине. Хотя конкретно работать ты будешь на сектор контрразведки. Еще вопросы?

– Разве у вас есть контрразведка?

– У вас, – передразнил Филипп. – Она неотделима от рода человеческого. Сектор контрразведки в Управлении существует уже десятки лет. Его первым начальником был мой друг Никита Богданов. – Ромашин-старший нахмурился, пожевал губами. – К сожалению, он погиб десять лет назад.

Кузьма хотел сказать: «Я знаю», – но не решился отвлекать деда (стариком его называть не поворачивался язык), ушедшего в воспоминания. Филипп оценил его деликатность, очнувшись, похлопал внука по плечу:

⁶ ВКС —Всемирный Координационный Совет.

– Не обращай внимания на мое занудство, мальчик, возраст берет свое, как его не обманывай. Иди досыпай, я ведь, наверное, из постели тебя выдернул? Кстати, заскочил бы к нам на днях с Алькой, бабка Аларика вас заждалась.

Кузьма отвел глаза.

– Хорошо.

– Э-э, – внимательно посмотрел на него Филипп. – Что-то случилось?

– Ничего не случилось.

– Я же вижу, что ты мнешься. Лучше говори все, как есть.

– Да что говорить, – нехотя буркнул Кузьма. – Разошлись мы с Алевтиной.

– Ага. – Филипп помолчал, прислушиваясь к чему-то, и снова повернулся к внуку (видимо, он получил сообщение по сети «спрута» и мысленно ответил на него). – Это окончательное решение или, так сказать, профилактическое?

– Окончательное.

– Понятно. Тем более забеги, поговорим.

– Хорошо, – кивнул Кузьма, – обязательно.

Филипп покачал головой, сжал ему локоть и скрылся за дверью метро вместе с мужчиной в черном комбинезоне. К задумавшемуся Кузьме подошел Хасид.

– Не возражаешь, если я тебя провожу?

Кузьма вспомнил наставления деда, криво усмехнулся.

– Ты же теперь мой телохранитель. Или тебе об этом еще не сказали?

– Разве ты возражаешь?

– Нет, – вздохнул Кузьма с унынием. – Черт знакомый лучше черта незнакомого. Надеюсь, ты не будешь вмешиваться в мою личную жизнь?

– Боже упаси! – осклабился Ходя.

– Ну и славно. А кто это с дедом? Странный какой-то тип, глаза – что локаторы.

– А его глаза и в самом деле локаторы. Это витс охраны. Такие системы положены только официалам уровня директора УАСС. Ты пока не тянешь.

– Вон в чем дело... – протянул Кузьма. – То-то я засомневался.

Они вошли в кабину метро, выдержали процедуру старта-финиша и вышли уже в зале Строгинской станции. Сели в пинасс, принадлежащий аварийно-спасательной службе, который вызвал по своему каналу Хасид, и аппарат поднялся над темно-зеленой шкурой хвойного леса.

– Слушай, Ходя, – рассеянно проговорил Кузьма, – зачем тебя вызывали в Управление во время нашего похода? Ты же в отпуске.

– Был, – коротко ответил безопасник и добавил: – Есть причина.

– «Зеркала»?

– Не только. Служба контроля засекла у границ Системы чужой корабль.

Кузьма вспомнил заинтересовавший его репортаж по информсети, встрепенулся.

– Я слышал, было короткое сообщение о чужаке. При чем тут ты, сотрудник безопасности?

– Как же в таком деле обойтись без нашей службы? А я в обойме твоего отца, которому поручили расследование.

– Значит, ты видел корабль?

Хасид кивнул.

– Что за корабль? Чей?

– Не знаю. Откуда-то издалека. Негуманы, похожи на огромных богомоллов. Экипаж мертв. Остальное выяснится в ходе следствия. Там, между прочим, сейчас работает Гера.

– Вот как?—Кузьма присвистнул. – Мир тесен. Впрочем, чему удивляться, если он спец по внеземным формам жизни. Значит, и его вызвали по той же причине? Интересно было бы взглянуть на корабль поближе.

– Еще доведется. Туда сейчас никого не пускают, ни корреспондентов новостей, ни любителей острых ощущений, ни даже чиновников. История с гибелью экипажа выглядит довольно странно.

Пинасс аккуратно вписался в окно жилой сферозоны сто десятого яруса Строгинской грозди, без толчка сел на площадке общественного транспорта. Пассажиры спрыгнули на пол эллингa.

– Зайдешь?—посмотрел на браслет универсального инкома Кузьма: зеленые цифры показали среднесолнечное время – пять часов, что соответствовало семи часам утра по Москве.

– Если только на пару минут. Надо решить кое-какие проблемы. Но к обеду я полностью в твоём распоряжении. Дождись меня, и мы вместе отправимся к месту твоей дислокации, на Тритон. Думаю, к тому времени терминал для работы с Умником уже смонтируют.

Друзья подошли к жилому модулю Ромашина, однако дверь, вопреки ожиданию Кузьмы, не открылась. Ходя вопросительно посмотрел на него, и Кузьма хладнокровно сказал:

– Она заблокировала вход.

– Кто, жена?

– Вчера у нас состоялось объяснение, и мы решили расстаться. Но не пускать друг друга не договаривались.

– Ты серьезно?

– А ты сомневаешься?

– Вот почему я до сих пор не женился. Один старый человек сказал: жениться – значит наполовину уменьшить свои права и вдвое увеличить свои обязанности.

– Это кто же такой шибко умный?

– Очень древний философ Шопенгауэр. Ты разве с ним не согласен?

– Согласен, только его сентенция запоздала лет на триста. Черт, как же мне домой-то попасть? Не ломать же дверь.

– Позвони Але, пусть откроет.

– Не хочу. – Кузьма подумал и через инком связался со своим рабочим компьютером. – Гоша, ты сможешь сориентировать домового, чтобы он открыл дверь?

– Попробую, – отозвался инк голосом отца.

Через полминуты входная дверь в жилой модуль бесшумно разошлась лепестками диафрагмы, и друзья вошли в небольшой холл, носивший следы чьего-то присутствия. Во всяком случае, покидая дом, Кузьма оставил его почти в полном порядке, теперь же интерьер холла был изменен, а на его «мраморном» полу валялись окурки сигарет и смятые обертки от жевательной резинки.

Кузьма заглянул в гостиную и понял, что, пока он отсутствовал, к Але успела присоединиться новая компания друзей. Видимо, она посчитала его ночной уход окончательным и перепрограммировала домового, чтобы он не пускал бывшего мужа.

Заходить в гостиную, превращенную в кусочек джунглей, а тем более в спальню, Кузьма не стал. Оглянувшись на оставшегося в холле Хасида.

– Пойдем поднимемся ко мне в кабинет. Я соберу вещи, мы отправим их рапид-почтой к отцу и позавтракаем где-нибудь в кафе. Все равно спать уже не придется.

– Ты оставишь дом ей?

– У тебя есть другое предложение? Поживу пока у отца, он поймет, потом что-нибудь придумаю.

Из туалетной комнаты в коридор вывалился осоловелый длинноволосый молодой человек, застегивая на ходу уник, вытаращился на друзей.

– А вы что здесь делаете?

Кузьма и Хасид переглянулись.

– Хочешь, я их отсюда аккуратно выставлю?—предложил безопасник.

– Я уже это делал, – усмехнулся Кузьма. – Как видишь, не помогло. Выгони черта в дверь, он влезет в окно. Пошли.

Они двинулись к лестнице на второй этаж. Приятель Алевтины попытался было их задержать, и Хасид, не останавливаясь, шелкнул его в нос снизу вверх, так что тот охнул и отступил, хватаясь рукой за нос. Из глаз парня потекли слезы.

Собрав кое-какие личные вещи в сумку, Кузьма попрощался с Гошей, заблокировал дверь в кабинет, и они спустились вниз, где в холле наткнулись на четверых парней и трех девиц в ярких костюмах по моде «полный отпад». Из-за их спин вышла раскрасневшаяся Алевтина в облегающем тело «змеином» платье, и по лихорадочному блеску ее глаз Кузьма понял, что она одурманена дымом кайфьяноса.

– Заходить без разрешения в мой дом невежливо, – сказала Алевтина.

– Это пока еще и мой дом, – кротко отозвался Ромашин. – Пожалуйста, не меняй код замка без предупреждения, в следующий раз я сломаю дверь.

– Эй, домовладелец, – подал голос крепкий молодой человек с бритым черепом и небольшим чубчиком на затылке, – повежливей с дамой!

– А вас, Штирлиц, я бы попросил не вмешиваться, – посмотрел на него Кузьма. – Иначе я вас просто выгону отсюда вместе с вашими мускулами.

Парень сжал кулаки, крылья носа его побелели.

– Да я же из тебя оmlет сделаю, невежа ученая! Уматывай отсюда и больше не возвращайся!

Кузьма посмотрел на Хасида.

– Кажется, этому крутому дебилу хочется пободаться. Как ты думаешь, он понимает свое положение или нет?

– Вряд ли. Чтобы мысль попала ему в голову, ему надо сделать трепанацию черепа.

– Ах ты обезьяна! – бросился вперед бритоголовый и... сунулся носом в пол, странным образом потеряв равновесие. Удар Хасида, точнее тычок указательным пальцем в энерготочку на шее, заметил только Кузьма, остальные зрители ничего не поняли.

– Не бейте моих друзей! – взвизгнула Аля. – Полицию вызову!

– Мы уже уходим, – шагнул вперед Кузьма. – Чао, мальчики и девочки, желаю хорошо развлечься. Впрочем, едва ли вы умеете делать что-либо еще. Дорогая, не забудь мою просьбу.

Группа гостей Али расступилась, Кузьма и Хасид вышли из дома, сопровождаемые шепотком и недобрыми взглядами парней и восхищенными – девиц. Дверь закрылась, отрезая начавшийся шум.

– Ну?—сказал Кузьма, покосившись на друга.

– Да! – ответил Ходя.

Они засмеялись.

– Что ж, попробую начать холостую жизнь. – Взгляд Кузьмы стал задумчивым, он вспомнил знакомство с Катей. – Может быть, стану философом.

– Ты и так долго продержался, целых пять лет. Мы с Герой удивлялись, как ты терпишь ее выходы.

– Творческие поиски.

– Творческий блуд. Извини, если я резок. Любовь зла, как говорится. Но я рад, что ты наконец прозрел. Куда идем?

– В кафе. Хочу чего-нибудь тонизирующего.

– Я тоже.

Они дошли до стоянки транспорта, бросили в кабину пинасса сумку с вещами Ромашина и отправились на эскалаторе в зону отдыха над сто десятым ярусом, где располагались кафе и рестораны, работавшие круглосуточно. Выбрали уютный ресторанчик под названием «Живописный» – с видом на панораму Москвы-реки и лесных массивов, который обслуживался «живыми» официантами, а не витсами, и в золотоволосой посетительнице ресторана, сидевшей в одиночестве у прозрачной стены, Кузьма вдруг узнал Катю. Внучку Яна Лапарры.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга сквозь матовое стекло воспоминаний и решаемых каждым проблем. Потом Кузьма очнулся и быстро подошел, обрадованный и удивленный встречей.

– Вы? Вот уж никак не ожидал встретить. Доброе утро. Какими судьбами вас сюда занесло?

– Доброе утро, – улыбнулась Екатерина, обозначив трогательные ямочки на щеках. – Я здесь живу недалеко, на сто шестнадцатом ярусе, зона тысяча сто один.

– А у меня сто десятый угол, зона тысяча один. Надо же, жить так близко и ни разу не встретиться!

– Вот и встретились. Честно говоря, я бываю здесь редко, это родина бабушки, она уже умерла, а дом остался. Основное время я провожу в доме отца, в Риге. Вы позавтракать заскочили? Тогда присоединяйтесь.

Кузьма вспомнил о Хасиде.

– Я не один.

– Это ваш друг?—Екатерина перевела взгляд на безопасника. – Кажется, я его где-то видела.

– На плоту, – отозвался Ходя, приблизившись. – Мы с этим типом и еще одним приятелем плыли по марсианскому озеру, когда вы...

– Да-да, припоминаю.

– Его зовут Ходя, – сказал Кузьма. – Хасид Хаджи-Курбан. Очень надежный товарищ.

– Спасибо, – заулыбался Ходя.

– Катя, – подала руку девушка. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Хасид галантно поцеловал ей пальцы и отступил от столика.

– Прошу извинить, у меня дела и я уже опаздываю. Как-нибудь в другой раз посидим. Кузьма, я тебе позвоню через пару часов.

Он ушел. Кузьма сел за столик, стараясь преодолеть внезапную робость. Девушка была одета в летнюю тунику, под которой почти ничего не было (во всяком случае, по ощущению Кузьмы), подчеркивающую формы тела, и вызвала восхищение не какой-то особой красотой, а естественной грацией и женственностью. Распущенные волосы падали за плечи тяжелым, ощутимо «массивным» водопадом, зеленоватые глаза сияли, полные губы необычного рисунка притягивали взор, чуть вздернутый носик говорил о легкости характера, а в глазах удивительным образом сочетались ум, ирония, грусть и решимость.

Она поняла его чувства, улыбнулась, продолжая потягивать через соломинку какой-то сок, протянула черный браслет с голубым камнем и мигающей внутри него красной искрой.

– Вот ваш тайф. Два дня ношу с собой на всякий случай, хотя могла бы отдать деду, а он уж нашел бы способ вас найти. Спасибо за помощь. Кстати, я у вас в долгу.

Кузьма, обрадованный скрытым смыслом сказанного, кивнул, принимая блок входа в систему метро.

– Всегда к вашим услугам. Может быть, перейдем на «ты»?

– Не рано? – прищурилась девушка.

– А мне кажется, в самый раз. Ведь это не первая наша встреча?

Катя засмеялась:

– Логично. Я согласна. Хотя штурм и натиск вам не к лицу, рыцарь.

– Я исправлюсь.

Подошел официант, принял несложные заказы у обоих и удалился. Разговор зашел о профессиональных пристрастиях Кузьмы, и он рассказал о своей работе, умолчав только о последнем предложении деда. В свою очередь Катя коротко сообщила о себе: закончила юридический факультет Рижского университета по специальности «Социальные конфликты и методы их разрешения», работала в отделе эфанализа службы безопасности Правительства, где и познакомилась с Оскаром Мехти, теперь работает в комиссии СЭКОНа по защите прав человека.

Однако завтрак быстро закончился, а вместе с ним и беседа. Катя торопилась по своим делам и не приняла предложение Кузьмы проводить ее до места назначения.

Они дошли до эскалатора.

– Но хоть вечером мы встретимся?—поинтересовался приунывший Ромашин, не решаясь взять собеседницу за руку.

– Не обещаю. – Катя мило сморщила носик. – Но ты позвони. – Она продиктовала номер личного инкома. – Если удастся вырваться, поужинаем где-нибудь по моему выбору.

Помахав рукой, она прыгнула на эскалатор, взметнулась туника, мелькнули загорелые икры и бедра, и эскалатор унес девушку на высшие этажи зоны. А Кузьма остался стоять с ощущением сердечного приступа, не обращая внимания на увеличивающийся поток людей. Город проснулся, многие его жители работали в других районах Земли и спешили на работу. Если бы Кузьма не находился под впечатлением встречи с Катей, он, наверное, смог бы определить пару человек, проявлявших к нему скрытый интерес, но он был занят своими переживаниями и мыслями и ничего не заметил.

Глава 4

ЧУЖИЕ В СИСТЕМЕ

Корабль был огромен!

Длина его от носа до кормы достигала почти двенадцати километров, а поперечник самой толстой части корпуса равнялся полутора километрам! Даже в эпоху гигантизма, закончившуюся полстолетия назад, люди строили вдвое меньшие – пяти-, семикилометровые космические корабли. Этот колосс поражал воображение, причем не только размерами, хотя термин «строить» к нему не подходил. Эксперты службы безопасности, прибывшие на борт чужака вместе с Германом, сделали вывод, что корабль выращен и представляет собой единый кристалл, а может быть, и живой организм.

Впрочем, особого удивления это открытие в среде специалистов не вызвало, люди тоже научились выращивать функционально зависимые квазизивые системы, в том числе – межзвездные корабли, хотя и гораздо меньших размеров. Зато материал, из которого был создан чужак, поверг экспертов в состояние шока: это был редкий, практически не встречавшийся в контролируемой землянами области Галактики, изотоп циркония ярко-голубого цвета. Все-таки выращивать такие гигантские «металлические кристаллы» люди еще не умели.

Кроме голубого циркония эксперты обнаружили еще целый ряд редкоземельных элементов, использующихся в различных системах корабля, а также удивительный трансурановый элемент под номером сто двадцать шесть⁷, самый стабильный из существующих, не считая свинца. Именно из барашения, создаваемого земными инженерами в мизерных количествах для нужд промышленности, на чужом корабле были смонтированы камеры с вакуумгенераторами, дающими космолету энергию для движения. Короче говоря, чужак оказался кладом драгоценнейших материалов, запасов которых земной промышленности хватило бы на многие годы, если бы люди решились использовать космолет таким образом.

Однако об утилизации гиганта речь не шла. Во всяком случае до тех пор, пока не выяснится тайна его появления из глубин космоса и тайна гибели экипажа. Когда земные корабли догнали чужака и проникли в рубку управления, обнаружилось, что существа, управляющие космолетом, погибли одновременно и совсем недавно. Их тела не были повреждены, никаких следов борьбы или насилия также найдено не было, и тем не менее эти существа, удивительно похожие на земных насекомых – богомолы, только в полсотни раз крупнее, были мертвы. Медики службы безопасности, обследовавшие разумных богомолы, пришли к выводу, что у всех пятерых астронавтов просто остановились сердца; каждый имел пару сердец, дублирующих энергообеспечение организма, и причина, по которой могли остановиться сразу оба сердца, земным биологам и врачам была неизвестна.

Еще одним открытием, смутившим умы исследователей корабля, оказался способ его движения в космосе. Если земные космолеты давно перешли на «струнную» технологию, то есть не ломались сквозь пространство, а преобразовывали его топологию, изменяли мерность и создавали квантовые тайфаговые «тоннели», позволявшие преодолевать огромные космические расстояния практически мгновенно, то цивилизация богомолы пошла другим путем.

Давно известно, что вакуум, заполняющий Метагалактику, – не пустота, а особое «виртуальное» состояние материи, океан рождающихся и тут же исчезающих частиц. Именно гиперчастотные осцилляции этих частиц и создают трение для любых энергетических взаимодействий, когда сквозь пространство перемещается объект – будь то твердое тело, элементарная частица или фотон электромагнитного поля. Из-за такого «вакуумного трения» скорость передачи энер-

⁷ Ядро атома этого элемента насчитывает 126 протонов.

гии (и информации) в нашей части Вселенной ограничена так называемой скоростью света⁸. Земные ученые обошли этот закон созданием мгновенных «струн», богомолы же научились нейтрализовывать вакуумное трение! По сути форма их корабля отражала реализацию этого принципа, а сам он являлся преобразователем ТФ-поля, создающим вокруг себя слой «анизотропного» вакуума. Точно так же земные летательные аппараты создают вокруг себя слой плазмы, позволяющий им летать в воздухе с любой скоростью.

Таким образом скорость, с какой чужак мог преодолевать межзвездные расстояния, в сотни и тысячи раз превосходила скорость света.

Все эти любопытные данные становились известны Герману по мере изучения корабля. Сам же он занимался другой проблемой, проблемой побуждений, заставивших этих интересных существ создавать такие огромные корабли, а также изучением особенностей их мышления и психологии, что в дальнейшем могло объяснить цель их путешествия и помочь отыскать их родину. Все специалисты сходились во мнении, что звезда, давшая жизнь богомолам, находится достаточно далеко от зоны космоса, контролируемой землянами. Не в рукаве Ориона, членом которого является Солнце, и даже не в рукаве Персея, располагавшегося от центра Галактики на два килопарсека дальше.

Чужак с мертвым экипажем был обнаружен за орбитой Плутона четырнадцатого марта по земному времяисчислению, и уже спустя несколько часов его догнали земные корабли – пылинки рядом с дредноутом. Разведчики проникли внутрь гиганта, определили, что он неуправляем, и приступили к операции торможения. «Дредноут», издали напоминавший суковатое полено, шел со скоростью около двухсот пятидесяти тысяч километров в секунду, имел массу в четыреста миллиардов тонн, и остановить его было нелегко.

Однако остановили, а потом и неторопливо повели обратно. К восемнадцатому марта он уже пересек орбиту Плутона, сопровождаемый свитой земных космических машин, и поплыл к Солнцу со скоростью всего в сто километров в секунду. Путь его должен был закончиться в поясе астероидов, где земляне выстроили целый исследовательский полигон, следуя глобальной стратегии СЭКОНа: выносить все опасные производства и экспериментальные центры за пределы обитаемых планет.

Поскольку исследованием ситуации с чужим кораблем с самого начала занялась служба безопасности Солнечной системы, доступ к нему был резко ограничен, и бригаде специалистов в количестве пятидесяти человек, в которую вошли пять представителей Института внеземных культур (ИВК), в том числе – ксенопсихолог Герман Алнис, пришлось разместиться на борту гиганта, чтобы не терять времени на дорогу домой и обратно и не допустить преждевременной утечки информации. В одном из километровых гротов внутри чужака был развернут жилой комплекс типа АРМ – «автономный разведмодуль», где эксперты отдыхали, жили, обрабатывали результаты поисков, строили гипотезы и делились новостями. Если, конечно, новости того стоили. Каждая группа имела свою задачу, свою область ответственности и свои обязанности, координировала же их работу глава сектора контрразведки службы безопасности УАСС китаянка Юэмей Синь.

Герман не задумывался над такими мелочами, как координация усилий исследовательской бригады, и ему в голову не приходило поинтересоваться у кого-нибудь, почему ими руководит контрразведчик. Он с головой окунулся в привычную атмосферу творческого поиска и спустя три дня пришел к кое-каким интересным предположениям.

Во-первых, пятерка погибших астронавтов-богомолов (начальник группы экспертов ИВКа Абрахам Кларк предложил называть их мантоптерами) принадлежала к разным этническим группам своей расы. Все они достаточно заметно отличались друг от друга: длиной конечностей, формой головы, размерами фасетчатых глаз, рудиментами крыльев – хотя несо-

⁸ 300 000 км в сек.

мненно принадлежали одному виду. Они и одежду носили разную – нечто вроде пластинчатых доспехов и кольчужных сеток с разной формы накладками и бляхами. Роскошнее других – его костюм был ярче и сложнее – одевался, очевидно, руководитель экспедиции, занимавший в момент смерти центральное – и более сложное – сооружение, которое люди с некоторой натяжкой называли креслом. Вся же рубка управления больше всего походила на большое птичье гнездо, сложенное из металлических «прутьев» и разноцветных «камешков». Человеку было бы трудно чувствовать себя уютно в таком «гнезде», но мантоптеров оно вполне устраивало, а всего таких «гнезд» в корпусе исполина было обнаружено пять. Может быть, это были запасные центры управления, дублирующие или работающие в параллели, а возможно, некоторые из них несли другие функции, такие, например, как контроль за состоянием агрегатов и всего корабля или защита его в условиях нападения извне.

Во-вторых, Герман с товарищами пришли к выводу, что пятерка мантоптеров представляла собой не обычную команду астронавтов, а специальный отряд, посланный в Солнечную систему с некоей секретной миссией. С какой именно – еще предстояло разобраться. Однако один тот факт, что экипаж такого исполина должен был состоять из команды в сто особей, как минимум, говорил сам за себя. Посылать в космические дали всего лишь пятерых специалистов, какими бы асами они ни были, сородичей мантоптеров могли заставить только какие-то форсмажорные обстоятельства. Однако с ходу определить, что это были за обстоятельства, не удалось. Центральный компьютер корабля, работающий по принципу биомшины (такие компьютеры были когда-то в моде и на Земле), использующий тонкие биохимические реакции, также оказался мертвым и вряд ли подлежал восстановлению, и тем не менее Герману удалось разобраться с этим гигантским – по человеческим меркам – искусственным интеллектом, занимавшим чуть ли не треть объема корабля. А помогли ему в этом сами мантоптеры, подключенные к компьютеру и, очевидно, жившие с ним в своеобразном симбиозе.

Третий вывод группы ксенопсихологов не повлиял на ход следствия по делу гибели экипажа, но оказался не менее ценным. Кларк сформулировал его таким образом: цивилизация мантоптеров насчитывает, как минимум, полтора миллиарда лет. То есть люди наткнулись на представителей одной из самых древних цивилизаций в космосе, сумевшей прожить так долго. Другие цивилизации давно канули в прошлое, и разведка землян обнаруживала лишь их редкие следы.

Рабочий день девятнадцатого марта (на борту жилого модуля сохранялся обычный земной распорядок, сутки равнялись двадцати четырем часам, а утро начиналось в четыре часа по средне-солнечному времени) закончился для Германа довольно неожиданно: его вдруг вызвала на аудиенцию госпожа Юэмей Синь.

Герман только что поужинал и собирался уединиться в своей каюте, чтобы поработать с персональным инком, идти на прием к начальству ему не улыбалось, но посланец госпожи Синь был настойчив (странно, почему она просто не позвонила по инкому?), и молодому человеку пришлось скрепя сердце решиться на визит руководителю контрразведки.

Сектор контрразведки занимал центральную часть жилого модуля, но каюта начальницы контрразведчиков располагалась в другом месте, прямо у стены защитного купола. Проводник Германа остался в коридоре, кольцом опоясывающем весь модуль. Алнис вошел и вежливо поздоровался.

Каюта высокого начальства ничем не отличалась от его собственной: та же спартанская обстановка, то же встроенное в стены хозяйственное обеспечение, вириал инка на столе, видеопласт. Правда, в отличие от Германа госпожа Синь предпочитала просто подсветку стен, создающую впечатление янтарно-звездной глубины, в то время как молодой ученый любил пейзажи и часто их менял.

Главная контрразведчица была не одна, ее гостем оказался еще один высокопоставленный чиновник – комиссар службы безопасности УАСС Владилен Ребров. С ним Герман был

уже знаком, но с хозяйкой каюты встречался впервые и удивился. Он ожидал увидеть перед собой пожилую гримзу со строгим лицом и суровым взглядом, а перед ним сидела в низком кресле молодая красивая китаянка с лучащимися теплотой глазами, цвет которых изменялся от черного до светло-коричневого, с крутыми бровями, изящным носиком и красивого рисунка губами. Одета она была в жемчужно-серый уник с эмблемой УАСС на рукаве.

Оценив его взгляд, она улыбнулась и проговорила нараспев, по-русски, чисто, без акцента:

– Сяньшэн Герман Алнис? Проходите, пожалуйста, присаживайтесь.

– Спасибо, – опомнился Герман, вспоминая обращение к молодым китайским женщинам, и добавил:– Сяоцзе.

Оглядевшись, он сел в кресло рядом с комиссаром службы безопасности, разглядывающим его с благожелательным интересом.

– Кофе, чай, матэ, тоник?—предложила Юэмей Синь, и Герман мимолетно подумал, что это имя ей идет⁹. В детстве он долгое время жил в Китае, в провинции Ляодун, и знал этот язык неплохо.

– Тоник, если можно.

Китаянка хлопнула в ладоши, и тотчас же в комнату бесшумно вплыл поднос-антиграв, на котором стояли бутылки с различными напитками и соками, бокал и чашка из тонкого, почти прозрачного фарфора. Хозяйка самолично налила в бокал девясилowego тоника, подала Герману, тот благодарно кивнул, нечаянно дотронулся до ее пальцев и ощутил, как они вздрогнули.

– Спасибо.

– Не за что. Говорят, вы много лет прожили в Китае, хотя родились в Риге.

– Отец и мама работали в Шихуандинской обсерватории, и я жил с ними.

– Где именно?

– Недалеко от Ляодунского залива, там, где начинается Великая стена.

Юэмей Синь задумчиво пригубила чай из фарфоровой чашки, разглядывая гостя, чувствующего себя немного не в своей тарелке.

– Вам нравится наша Стена слез?¹⁰

– Как памятник старины, – пробормотал Герман, не понимая, к чему клонит китаянка.

– Что вы о ней знаете?

– Она была построена в третьем веке до нашей эры. – Герман вспотел, вспоминая историю создания «самого длинного кладбища мира», при возведении которого погибло больше полумиллиона человек. – При императоре Цинь Шихуанди. Длина стены – шесть тысяч пятисот километров, ширина – до пяти с половиной метров, высота в среднем – около девяти...

– Это все?

– Все. – Герман разозлился и с вызовом встретил оценивающий взгляд женщины, на дне которого мерцали искры усмешки и ожидания. – Надеюсь, вы меня вызвали не для экзамена по истории Китая?

Юэмей и ее высокий гость переглянулись.

– Извините, сяньшэн, я не хотела вас обидеть. Просто захотелось узнать, любопытны ли вы.

– Зачем? Разве от этого что-то зависит?

– Ваша жизнь, – ровным голосом проговорил Ребров.

Герман вздрогнул, посмотрел на него с недоверием.

– Как это понимать?

⁹ Юэмей – цветок лунной сливы (кит.).

¹⁰ Великая Китайская стена называлась еще Стеной слез и «Самым длинным кладбищем мира».

– Как предупреждение, – ответила Юэмей Синь. – Наши службы не зря взяли под контроль изучение чужого космолета. Вы наверняка знаете, что Солнечная система и поселения людей у других звезд контролируются Наблюдателем с помощью «зеркал», то есть хрономембран.

– Какое отношение Наблюдатель имеет к машине мантоптеров?

– Наши специалисты только что обнаружили в его недрах и на корпусе несколько «зеркал», а это верный признак того, что Наблюдатель очень не хочет допустить, чтобы мы узнали, с какой миссией был послан в Солнечную систему корабль мантоптеров.

– Но ведь он шел в другую сторону – от Солнца, когда его засекли...

– Эксперты сделали вывод, что он сначала двигался именно к Солнцу, но потом наткнулся на «мертвяка» и...

– Его развернуло! – догадался Герман. – Экипаж, естественно, погиб...

– Именно так.

В каюте наступила тишина. Герман встрепнулся.

– Допустим, это правда. Почему вы говорите это мне? Зачем предупреждаете?

– Я недаром заговорила о вашем любопытстве, – улыбнулась Юэмей Синь, – и оно вполне оправдано. Каждый творчески мыслящий человек должен быть любопытным, иначе люди давно деградировали бы, не получая удовольствия от стремления узнать новое. В нашем случае это любопытство опасно. Вы хорошо подготовленный специалист и любите копаться в проблеме глубоко, а это может стоить вам жизни.

– Но почему?!

– Потому что Наблюдатель сделал все, чтобы мы не узнали истинной причины гибели экипажа космолета, а тут появляетесь вы, начинаете серьезно изучать проблему и во всеуслышание заявляете, что команда мантоптеров была отобрана специально и что она несла какую-то важную информацию. Как вы думаете, отреагирует на это Наблюдатель?

Герман в замешательстве перевел взгляд с лица китайки на невозмутимое лицо Реброва и обратно.

– Ну-у... не знаю... если честно... и вообще, почему я должен об этом думать?

– Согласна, – кивнула начальница контрразведки, – об этом обязаны думать мы. Поэтому я и вызвала вас к себе. С этого дня вы будете находиться под охраной безопасников, а отчитываться о работе будете не Кларку, а лично мне. Особенно, если удастся выяснить, что заставило мантоптеров преодолеть бездну пространства глубиной в тридцать тысяч световых лет.

– Разве уже известно, откуда они прибыли?

– Мантоптеры – циркониевые существа, – сказал Ребров, – цирконий в их крови играет ту же роль, что в нашей крови – железо. Так вот единственная известная нам циркониевая звезда находится в шаровом звездном скоплении М19 в Змееносце.

– Вы думаете, это родина мантоптеров?

– Хотелось бы. Мы это проверим, – спокойно сказал Ребров. – В ближайшее время Дальразведка планирует экспедицию в том направлении, хотя и намного ближе, и мы немного подкорректируем задание. Разумеется, втайне от широкой общественной аудитории.

– Так далеко... тридцать тысяч световых лет!..

– Далековато, конечно, мы еще не залетали за пределы нашего звездного рукава, теперь попробуем.

Герман хмыкнул, но полемику о целесообразности такого полета затевать не стал.

– Я могу идти?

– Естественно. Только помните: о нашей беседе – никому ни слова!

Герман посмотрел на Юэмей Синь. Китайка мило сморщила носик, хотя глаза ее остались серьезными и чуть печальными.

– Извините, пожалуйста. Мы надеемся на вас.

Он поднялся, молча поклонился и вышел, унося в душе два разных по мысли, но одинаковых по эмоциональному наполнению взгляда. Когда дверь за молодым ксенопсихологом закрылась, Ребров повернулся к Юэмей Синь и встретился с ней глазами.

– Он умный симпатичный парень, но к службе в наших рядах непригоден.

– У него просто замедленная реакция, – задумчиво отозвалась женщина. – И он не видит, насколько серьезна угроза. Мне бы не хотелось, чтобы с ним что-нибудь случилось. Ученых такого калибра надо беречь.

– Я замкну на него «эшелон». Но не перестраховываемся ли мы? Ведь случаи гибели людей, связанные с «зеркалами», единичны. Мы всегда склонны преувеличивать вес кирпича, упавшего нам на голову.

Юэмей Синь невесело усмехнулась, превращаясь в суховато-деловую женщину, какой ожидал ее увидеть Герман.

– Ты, Владилен, похоже, пытаешься уговорить сам себя. Давление Наблюдателя на нас увеличивается, и мы обязаны реагировать на это самым жестким образом, чтобы не проглотить беду. За последние полтора года пропали две экспедиции Даль-разведки, посланные на поиски звезд, идентичных Солнцу, пограничники все чаще натываются на «мертвяки», Система пере-сыщена «зеркалами»... Неужели не понимаешь, о чем это говорит?

Ребров машинально отхлебнул остывшего чая.

– Об изменении поведения Наблюдателя.

– Это говорит о намеренном ограничении экспансии человечества. И я не удивлюсь, если завтра... – начальница контрразведки не договорила.

По сети «спрута», к которой они оба были подключены постоянно через личные рации, прилетел сигнал тревоги:

– Внимание всем ответственным! «Две девятки» по треку!

Ребров посмотрел на Юэмей Синь, та стремительно встала, включая настольный вириал инка, который через мгновение развернул виом связи с центральной диспетчерской Управления. На руководителей спецслужб смотрел дежурный системы СПАС Йоган Кишнегер.

– В чем дело, Йоган? – быстро спросил Ребров.

– В Системе появился опасный объект, – доложил дежурный. – Двигается по направлению к Солнцу в режиме «мигания» со скоростью около двух тысяч километров в секунду. Я разворачиваю «дхияну»¹¹.

– Что за объект? Почему он опасен?

– Это сфера диаметром около тысячи километров, отражающая свет.

– «Зеркало»?!

Дежурный некоторое время не отвечал, общаясь сразу с несколькими абонентами, затем нашел глазами комиссара.

– Умник тоже склонен полагать, что это сферическое «зеркало». Оно наткнулось на одну из антенн «Большого Уха»¹² и проглотило ее как пылинку.

Комиссар безопасности думал несколько мгновений.

– Проверьте вектор движения сферы!

– Она движется к Солнцу...

– Конкретнее! Какие планеты и сооружения она заденет?

Кишнегер снова занялся переговорами со службами Управления, в то время как волна тревоги двигалась по Солнечной системе, включая все новые и новые тревожные каналы. Наконец дежурному ответили аналитики службы наблюдения за пространством, и он сообщил их мнение:

¹¹ Дхияна —императив службы наблюдения за опасными объектами.

¹² Имеется в виду гравитационный телескоп, развернутый на периферии Солнечной системы.

– На пути сферы Нептун, десятки сооружений разного назначения, Венера и Меркурий. Землю он, к счастью, минует.

Ребров повернулся к Юэмей Синь.

– Тритон!

– «Потрясатель Мироздания!» – кивнула начальница контрразведки, мгновенно поняв его мысль. – Я ожидала чего-то подобного. Наблюдатель знает о наших намерениях уничтожить «зеркала» и решил нанести упреждающий удар.

Комиссар потер подбородок пальцем, задумавшись о чем-то, глянул на торчащую в виоме голову дежурного.

– Йоган, какая машина ближе всего к объекту?

– Спейсер погранслужбы «Ковчег».

– Вызывай туда командора Ромашина, я и госпожа Синь будем там через минуту.

Ребров и Юэмей Синь одновременно взяли за браслеты тайфов, которые они всегда носили на руках, посмотрели друг на друга и так же одновременно исчезли, перемещаясь на борт погранкорабля «Ковчег».

* * *

Спустя двое суток стало окончательно ясно, что гигантский сферический объект, вторгшийся в Солнечную систему и представлявший собой по сути такое же «зеркало», какие использовал Наблюдатель, нацелен точно на Нептун. Мало того, расчеты показали, что в момент встречи сферы с планетой спутник Нептуна Тритон окажется именно в этой точке, и люди поняли, что «сферозеркало», получившее образное название «теннисный мяч дьявола», имеет своей целью Тритон. Вернее, установленный в его недрах более полувека назад «Потрясатель Мироздания».

Госпожа Юэмей Синь, руководитель сектора контрразведки УАСС, была права, утверждая, что Наблюдатель посчитал пассивное давление на человеческую цивилизацию недостаточным и перешел к активным действиям. А так как включение людьми «Потрясателя» действительно могло привести к уничтожению системы «зеркал», первым делом Наблюдатель решил покончить с этой угрозой и выстрелил, оставаясь недостижимым для спецслужб защитной системы человечества.

Выяснив назначение «теннисного мяча дьявола», аварийно-спасательная служба перешла в режим ликвидации потенциальной угрозы, к проблеме подсоединились многие научные институты Земли, и началась гонка: кто быстрее найдет способ остановки «сферозеркала» или хотя бы отклонения его от заданной траектории. Одновременно с этим служба безопасности спешно организовала оборону Системы, с согласия СЭКОНа решив использовать уже имеющиеся средства.

«Теннисный мяч дьявола» потратил на преодоление расстояния от границы Солнечной системы до Нептуна восемь дней, и все это время его обрабатывали, атаковали, бомбардировали, обстреливали из разных видов оружия земные корабли, имеющие мощные энергоизлучатели – плазмеры и лазеры, излучатели кварковой «праматерии» и антиматерии, генераторы гравитационных полей и вакуумные преобразователи. Однако «сферозеркало» без видимых последствий поглощало все эти виды излучений и продолжало мчаться в режиме «мигания» к своей цели, то появляясь в пространстве на несколько десятков секунд, то исчезая и появляясь снова, но уже дальше по траектории. Поскольку оно никаких ответных действий не предпринимало, земные космолеты зачастую пренебрегали правилами безопасности и подходили к нему все ближе, надеясь испепелить таинственный шар или разрезать на части, но через шесть дней после первой атаки «теннисный мяч» внезапно ответил и в течение нескольких секунд уни-

чтожил два спейсера с экипажами и повредил три пограничных брандера с исследовательской аппаратурой. И тогда всем стало ясно, что хозяева «сферозеркала» объявили людям войну!

Впрочем, такого мнения придерживались далеко не все высокопоставленные лица, вовлеченные в решение проблемы. Наиболее рьяно его отстаивал глава министерства общественной безопасности Правительства Земли Артур Мехти. Директор УАСС Филипп Ромашин и комиссар службы безопасности Владилен Ребров склонялись к другому выводу, но предпочитали об этом пока не распространяться. Хотя «теннисный мяч дьявола» и ответил на атаки людей, его стрельба весьма сильно смахивала на зеркальное отражение ударов, только с замедлением на шесть дней: энерготрассы, уничтожившие земные корабли, как две капли воды походили на торсионно-фрактальные всплески, изменяющие структуру вакуума, которыми люди пытались воздействовать на «сферозеркало». Мало того, шар начал «возвращать» и остальные виды излучений, а также ядерные ракеты, кварковые торпеды и генераторы полей, превращаясь в огрызающуюся огнем летающую крепость. Земному флоту пришлось защищаться от собственного «рикошета» и удалиться от «сферозеркала» на приличное расстояние, чтобы не попасть под удар.

Когда до Нептуна осталось всего два дня полета «дьявольского мяча», директор УАСС созвал на совещание всех руководителей тревожных служб, пригласив кроме комиссара безопасности и командора погранслужбы еще и председателя СЭКОНа Бернхарда Спенсера и министра безопасности Правительства Артура Мехти. Совещание состоялось на борту спейсера погранслужбы «Мощный», и в нем приняло участие пятнадцать человек.

На совещание был вызван и Кузьма Ромашин, все еще работавший на Тритоне над проблемой реанимации «Потрясателя», а также занимавшийся оценкой его воздействия на Солнечную систему. Однако в зал визинга, где собрались руководители спецслужб, Кузьму, которого теперь всюду сопровождал Хасид Хаджи-Курбан, не пустили под предлогом секретности переговоров. Узнав об этом, Филипп Ромашин, во власти которого было снять все запреты и провести с собой любого человека, хотел было отдать соответствующий приказ охране зала, но передумал и сам вышел к внуку.

– Подожди меня в рубке, – сказал он озабоченно. – Я хотел, чтобы они услышали доклад о состоянии «Потрясателя» из уст профессионала, но теперь вижу, что это лишнее. Ты мне понадобишься в другом деле, поэтому жди.

Размышляя над словами деда, Кузьма вернулся к Хасиду, со скучающим видом прогуливавшемуся по коридору, и передал ему слова Филиппа и свои выводы.

– Правильно, – согласился безопасник, – нам с тобой лучше не появляться в той компании. Пойдем полюбуемся на «теннисный мячик дьявола».

Друзья пронзающим лифтом добрались до кокон-рубки спейсера и неожиданно нос к носу столкнулись с Оскаром Мехти, приятелем Кати, с которым Кузьма имел честь подраться на Марсе.

– Какая встреча! – с удивлением уставился на Ромашина черноволосый смуглолицый Мехти-младший. – Вот уж не ожидал встретить тебя так далеко от Марса. Может быть, сразу и объяснимся?

– Объясняться тебе придется со мной, – вышел вперед Хасид. – Обстоятельства инцидента мне известны, так что не стоит качать права, парень.

– А ты кто такой? – с недоумением посмотрел на него Оскар.

– Сотрудник службы безопасности, – спокойно сказал Хасид.

– Плевать я хотел на тебя и на твою службу! Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь?

– Конечно, – кивнул Хасид, – с наглецом. С человеком, отец которого вполне может потерять из-за сына кресло министра.

– Да что ты говоришь?! – издевательским тоном проговорил Оскар. – И каким же это образом мой отец потеряет кресло? Вы пожалуетесь в комиссию по правам человека? Или прямо в прокуратуру?

– Зачем? Есть инстанции посерьезней. Его отец – командор погранслужбы, а дед – директор УАСС. Устраивает тебя такой вариант? Если да, то можно и объясниться.

Оскар перевел взгляд с невозмутимого лица Хасида на Кузьму и, видимо, понял, что безопасник не шутит. Скривил губы, отступая в сторону.

– Ладно, поговорим в другой раз, еще встретимся на кривой дорожке.

Хасид и Кузьма проводили его взглядами.

– Парень уверен, что его власть безгранична, – сказал Кузьма задумчиво. – Интересно, как он сюда попал?

– Наверное с отцом, – предположил Хасид. – Скверный человек.

– Отец?

– Оба.

Они засмеялись.

– Как говорит старая пословица, – сказал Кузьма, – кресло власти сработано не по мерке головы.

– Согласен. Но ты будь поосторожнее с ним, этот парень «отморозок», хотя и выглядит цивилизованно. Всегда носит с собой оружие, всегда и всюду его сопровождает охрана, по моим сведениям, он замешан в десятках скандалов, из которых его, естественно, вытаскивал высокопоставленный папаша. В общем – своего рода реликт.

– Я его не боюсь.

– Дело не в страхе, а в том, что он всегда готов на подлость.

– Да черт с ним, пусть бесится. Кстати, ты обещал узнать, где и когда он спас Екатерину.

– Пытался, но дело темное, не сразу поймешь, что произошло. Дай мне еще пару дней.

Они вошли в рубку управления спейсера, представлявшую собой половинку эллипсоида со встроенными в стены и пол кокон-креслами экипажа.

Управлять кораблем мог и один человек, но по соображениям безопасности и для соблюдения качества ответственности команды земных космолетов насчитывали от трех до семи человек в зависимости от класса корабля. Спейсер «Мощный» вполне оправдывал свое название, имея запас хода около тысячи парсеков, и по энерговооруженности почти не уступал машинам Даль-разведки. Управлял им экипаж из семи человек во главе с капитаном Хорхе Луисом, с которым Кузьма, благодаря отцу и деду, был уже знаком.

В данный момент в рубке находилось всего три члена экипажа: драйвер-прима вел корабль, драйвер-секунда наблюдал за пространством (на его кресло были выведены все системы слежения спейсера), а командир Луис контролировал обстановку на борту, ведя неспешные переговоры с членами экипажа и с капитанами других земных кораблей. Увидев гостей, он, не вылезая из кресла, приветственно помахал им рукой и включил панорамный обзор, словно знал, зачем они пришли.

Стены рубки, словно сплетенные из бежевого цвета светящихся изнутри жил, нитей и растяжек, создающие впечатление ажурной губчатой массы, расплылись туманом и исчезли. Члены экипажа и гости оказались висящими в черной бездне космоса, проколотой лучами ярких немигающих звезд, среди которых одна была намного крупнее других. Этой звездой было Солнце.

Приглядевшись к «пейзажу», Кузьма стал замечать и другие огни, принадлежащие кораблям земного космофлота, а также увидел чуть в стороне от Солнца узкий серпик Нептуна, куда направлялся «теннисный мяч дьявола». Правда, самого «мяча» видно не было, и, словно угадав мысли гостей, командир спейсера включил дополнительный контур визуального наблюде-

ния, позволявший людям видеть объекты в космосе объемно и в естественном диапазоне цветовосприятия.

«Теннисный мяч дьявола» появился на черном фоне маленьким серебристым пятнышком размером с ноготь. До него было примерно двадцать тысяч километров, и детали «сферозеркала» разглядеть на таком расстоянии не представлялось возможным. Впрочем, никаких деталей «мяч» не имел. Зрители убедились в этом, как только справа от убегающего шарика вариатор вырезал окно увеличения и показал «сферозеркало» почти в натуральную величину – как бы с расстояния в три-четыре километра.

Ничего демонического и опасного в этом шаре, отражающем свет, как металлический экран, не было. Ну, мчится себе эдакое гигантское сферическое зеркало и мчится, то исчезая из поля зрения, то появляясь вновь. Люди видели сооружения посложней и помасштабней. Однако исполинский шар представлял реальную угрозу всему космическому дому человечества, и с этим надо было считаться, тем более, что он, как вулкан, все еще продолжал извергать энергетические фонтаны из того, чем «кормили» его люди на протяжении шести прошедших суток.

Кузьме удалось увидеть один из таких фонтанов: блестящая сфера вдруг исторгла огромную ветвистую фиолетово-голубую молнию, пронзившую пространство на многие сотни километров. Это был импульс кваркового разряда, видимый в результате взаимодействия токовых¹³ кварков с вакуумными флуктуациями. Попади он по какому-нибудь земному судну, вряд ли то спасла бы полевая защита.

Налюбовавшись «теннисным мячом дьявола», гости поблагодарили гостеприимных хозяев спейсера и вернулись к залу визинга, где все еще заседали члены «малого совета безопасности», как можно было назвать совещание. Кузьма ждал встречи с Оскаром Мехти, но сынок министра, наверное, уже покинул борт «Мощного», в коридоре его не оказалось, и Кузьма вздохнул с облегчением. Конфликтовать ни с кем он не любил.

Через час совещание наконец закончилось, его участники начали расходиться. Последними из зала наблюдения вышли Ромашины – отец и сын. Изрезанное морщинами, суровое и твердое лицо Филиппа было спокойно, Игнат выглядел задумчивым, но от обоих веяло такой тревогой и холодом, что Кузьма поежился, вдруг замечая, насколько похожи друг на друга его отец и дед. Впрочем, и он мало чем отличался от них, разве что разрезом глаз и ростом: отец был выше его на полголовы, а дед – на целую голову.

Хасид корректно отступил назад, но Филипп остановил его жестом:

– Не уходи, понадобится.

Они остановились в нише коридора, имеющей выход в систему пронзающих лифтов корабля. Витс охраны, сопровождавший директора УАСС, остался в коридоре.

– Твоя задача усложняется, – продолжал Филипп, разглядывая лицо внука так, словно только что его заметил. – Во-первых, ты присоединяешься к группе специалистов, рассчитывающих эксперимент с локальным изменением метрики пространства. Как ТФ-теоретику, решавшему подобные проблемы, тебе и карты в руки.

– Зачем кому-то понадобилось изменять метрику пространства?

– Не кому-то, а службе безопасности. Мы хотим если не уничтожить, то хотя бы отключить этот «дьявольский теннисный мяч».

Кузьма скептически покачал головой.

– До столкновения «мяча» с Тритоном осталось всего два дня...

– Все расчеты сделаны, монтируется установка, снижающая мерность до двух, в идеале – до единицы. «Мяч» или схлопнется в точку или отразится от плоскости вырожденного трехмерного пространства. Ты должен проверить расчеты и дать рекомендации, если они будут.

¹³ Токовые или так называемые «голые» – кварки, свободные от «шубы» других кварков и частиц.

Кузьма посмотрел на отца, и тот на мгновение прижал сына к себе.

– Постарайся, сынок. От этого зависит судьба не только Тритона с «Потрясателем Мироздания», но и многих других планет. «Теннисный мяч» сейчас – что слон в посудной лавке, наделает дел, если не остановим.

– Хорошо, постараюсь, па.

– Это еще не все, – проворчал Филипп. – Теперь главное. Даже если мы уберем «Потрясатель», все равно Наблюдатель найдет способ его уничтожить или повредить. Пока мы будем изо всех сил защищать установку, кто-то должен рассчитать новый «Потрясатель», не менее мощный, но с иными характеристиками, не затрагивающими основы Мироздания, а главное – стопроцентно гарантирующий уничтожение «зеркал».

Стало тихо.

Кузьма некоторое время молчал, взвешивая решение. Он прекрасно понял недосказанное. Наконец проговорил:

– Об этом никто не должен знать, не так ли?

– Так, – одновременно кивнули директор Управления и командор погранслужбы.

– И это задание очень опасно, – добавил Филипп. – Стоит Наблюдателю узнать о расчетах...

– Я понял.

– Поэтому я не настаиваю.

– Я согласен. Но мне потребуется независимый и неконтролируемый выход на Больших Умников.

– Ты получишь консорт-доступ к Стратегу Управления. Знать об этом будут только трое, не считая тебя и Хасида.

– Вы двое и кто еще?

– Советник СЭКОНа Ян Лапарра.

Кузьма с удивлением посмотрел на отца, мимолетно подумав, что случайного ничего в мире не бывает, и его знакомство с внучкой Лапарры лишь предваряет знакомство с ним самим.

– Помнишь, я рассказывал тебе о нем? – понял его взгляд по-своему Игнат. – Это бывший комиссар отдела безопасности.

– Я думал, он погиб... когда вы с ним таранили Спящего Джинна.

– Он жив.

– Сколько же ему лет?

– Девяносто шесть.

– Патриарх, однако.

– В СЭКОНе работает еще один наш давний знакомый, Керри Йос, он когда-то возглавлял службу безопасности, а недавно ему исполнился сто двадцать один год. Тебе неплохо было бы встретиться и с тем, и с другим.

– Зачем?

– Мало ли, может быть, посоветуют что-то дельное. Старики мудрые. Итак, ты берешься?

Кузьма выпрямился под испытующим взглядом Филиппа.

– Берусь!

– Тогда ни пуха ни пера!

Филипп так же на мгновение прижал к себе внука и скрылся за диафрагмой входа в ячейку пронзающего лифта. Витс охраны последовал за ним. Игнат задержался:

– Дома тебе лучше не появляться, чтобы избежать расспросов Алевтины. Будешь жить и работать у Хасида.

Кузьма хотел сказать, что он разошелся с женой, но передумал.

– Хорошо, отец. Значит, на Тритон мне можно не возвращаться?

– Можно. Группа технарей Управления дислоцируется на спейсере «Гиперборей», направляясь сразу туда. Когда эксперимент с остановкой «мячика» закончится, вернешься на Землю и поживешь какое-то время у Хаджи-Курбана. Он уже дал согласие. Удачи тебе!

Командор погранслужбы сжал локоть сына, кивнул Хасиду и удалился вслед за директором УАСС. Друзья проводили его глазами и одновременно вскинули кулаки с прижатыми пальцами. У Кузьмы было прижато три, у Хасида – два.

– Победила дружба, – хладнокровно сказал безопасник.

Кузьма улыбнулся. Хотя думал он в данный момент не о счете пальцев и даже не о задании, а о том, что получил вполне легальное обоснование визита в дом Лапарры. У которого имелась изумительно красивая внучка Екатерина. Катя...

* * *

Нептун всего лишь в четыре с половиной раза больше Земли: его экваториальный диаметр¹⁴ равен пятидесяти тысячам двумстам километрам. Тем не менее это настоящая планета-гигант, имеющая протяженную – толщиной в семь тысяч километров – водородно-гелиевую, с примесями метана и аммиака, атмосферу, ледяной слой толщиной около десяти тысяч километров и твердое каменное ядро. Кроме того, вокруг него вращаются восемь спутников и два пылевых пояса.

Жизнь на Нептуне есть, но это жизнь бактерий и микроорганизмов, населяющих плавающие на дне воздушного океана планеты облака пыли и «газовые острова» из кристалликов водяного льда, аммиака и метана.

Эти сведения успел почерпнуть Кузьма в беседе с одним из технарей Управления, перед тем как наступил долгожданный момент истины: к Нептуну приблизился «теннисный мяч дьявола», и люди включили установку, изменяющую метрику пространства. Установка, называемая трансформатором измерений, а среди специалистов – «делителем», располагалась на орбите второго «крупного»¹⁵ спутника планеты – Нереиды.

«Делитель», напоминавший собой десятикилометрового осьминога с вытянутыми во все стороны щупальцами, впечатления какой-то особой мощи не производил, но Кузьма знал его возможности и ждал момента запуска с нетерпением. Точно так же вместе с ним ждали тысячи людей на кораблях космофлота, на станциях систем СПАС, в погранпостах, в кабинетах УАСС и у виомов информвидения в поселениях людей на спутниках внешних планет.

«Теннисный мяч дьявола» продолжал двигаться в прежнем направлении и с прежней скоростью, все еще изрыгая пламя и дым развернутых вспять энергетических атак, по-прежнему не отвечая на запросы и предложения вступить в переговоры. По-видимому, он и вправду представлял собой «пулю» или самонаводящуюся «торпеду» без экипажа, что дало основания СЭКОНу разрешить спецслужбам применение любых средств для ее уничтожения.

Установка, трансформирующая метрику пространства, то есть, выражаясь «по-простому», изменяющая мерность континуума в данном локальном объеме пространства, сработала точно в нужный момент, когда мигающее «сферозеркало» достигло орбиты Нереиды.

Это засвидетельствовали приборы наблюдения, установленные на десятках зондов вблизи «делителя». Увидеть сам процесс человеческий глаз был не в состоянии.

Казалось, ничего не произошло, только мигнули звезды, на фоне которых виднелся «осьминог» трансформатора. Однако последствия мигания сказались мгновенно.

Мчавшийся вперед к цели тысячекилометровый шар «сферозеркала» наткнулся на «вздыбленный» слой измененного вакуума, представлявший собой двумерное пространство,

¹⁴ Планета заметно сплюснута у полюсов, ее полярный диаметр на два процента меньше экваториального.

¹⁵ Диаметр Нереиды – около ста шестидесяти километров.

которое сработало как абсолютно твердый плоский лист, и отскочил от него! Отразился! Изменил траекторию полета!

По всем залам наблюдений земных кораблей пронесся единый выдох сдержанного ликования, и снова наступила тишина, потому что схватка земной техники с пришельцем еще не закончилась. Сохраняя прежнюю скорость, он должен был преодолевать расстояние от орбиты Нереиды до Нептуна целых пять минут¹⁶ и вполне мог успеть вернуться на старую траекторию, выводящую его к Тритону.

Однако все обошлось. Пришелец, очевидно, был так потрясен ударом «плоскомерия», что не успел прийти в себя (Кузьма невольно оразумлял объект, приписывая ему какие-то человеческие черты) и изменить вектор движения. Спустя пять минут, протянувшихся улиткой под жуткое молчание эфира, он воткнулся в Нептун. А так как планета была окружена целой сетью спутников, имевших спецаппаратуру для наблюдения за процессами в недрах гиганта, люди смогли увидеть весь процесс прохождения «теннисного мяча» сквозь тело Нептуна.

Внешний слой атмосферы толщиной в семь тысяч километров, состоящий из молекулярного водорода и гелия, «мяч» проскочил за три с половиной секунды, не встретив сопротивления. Второй слой, образованный жидким водородом, водой, метаном и аммиаком, слегка изменил скорость «сферозеркала», но не намного. Притормозил «мяч», лишь когда преодолевал твердое ядро планеты, сжатое до одного миллиона атмосфер, и тем не менее не застрял и не был раздавлен. Спустя восемь секунд с момента входа в атмосферу Нептуна он вынырнул с противоположной стороны и со скоростью в полторы тысячи километров в секунду умчался в космос, сопровождаемый длинным газовым хвостом. В Тритон, ползущий по своей орбите на расстоянии триста пятьдесят тысяч километров от Нептуна, «теннисный мяч дьявола» не попал.

Люди, наблюдавшие за прохождением «мяча» системы Нептуна, бросились обниматься и поздравлять друг друга. Лишь Кузьма и Хасид, стоявшие среди разного рода специалистов в зале визинга спейсера «Гиперборей», реагировали более сдержанно.

– Это пристрелка, – сказал безопасник, не отходивший от друга ни на шаг. – В следующий раз Наблюдатель выстрелит удачной.

Кузьма был с ним согласен. Тот, кто запустил «теннисный мяч» в Солнечную систему, просто проверил возможности людей «брать его подачу». Первый эйс не прошел, надо было ждать второго.

К друзьям подошел с рассеянным видом Филипп Ромашин.

– Ваши впечатления?

– Мы приняли подачу и отбили «мяч», – сказал Кузьма, – но он вернется. Или же Наблюдатель подаст другую подачу. Надо не отбивать удары, а нападать самим.

– Согласен, мы уже думали над этим. Начинаем новый этап схватки с Наблюдателем. Ты хорошо поработал здесь, это оценка моих людей, и я тобой доволен, но впереди более ответственная работа, не подведи.

– Не подведу, дед, – слабо улыбнулся Кузьма.

– Внимание! – раздался вдруг под куполом визинга чей-то властный голос. – Объявлены «две девятки»! В Системе обнаружен еще один сферозеркальный объект! Диаметр – около десяти тысяч километров, скорость – пять тысяч километров в секунду. Направление движения – на Солнце!

В зале установилась пугливая тишина.

– Вот вам и ответ Наблюдателя, – усмехнулся Филипп, поворачиваясь спиной к внуку, оглянувшись. – Немедленно отправляйтесь на Землю, вечером я вас найду.

¹⁶ Радиус орбиты Нереиды равен пяти миллионам пятистам пятидесяти тысячам километров.

– Вот гадство! – мрачно сказал Кузьма, мысленно прощаясь с отдыхом и с мечтой о встрече с Катей.

Глава 5

ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ

Вдве тысячи сто восемьдесят втором году на Земле заработал первый матричный репликатор, позволявший на основе нанотехнологий воспроизводить молекулярные дубликаты любых веществ и предметов. Бриллианты, золото, одежду и продукты можно было с этих пор делать из любой материальной субстанции, хоть из воздуха, хоть из воды, хоть из грязи.

Через двадцать лет промышленность (за исключением строительной и монтажной) и сельское хозяйство утратили смысл и прекратили существование, как еще раньше, после перехода транспортных систем на антигравитационную тягу, умерли нефтяная и газовая виды промышленности. Человеческая цивилизация лишилась своего главного занятия – работы ради выживания и пропитания. Резко возросли потребности в искусстве, играх, театральных представлениях, образовании. Индустрия развлечений пережила невиданный бум, сокративший, как уже говорилось ранее, численность населения наименее развитых зон Земли.

Хотя огромные промышленные и сельскохозяйственные пространства и превратились в леса и луга, экологическая чистота не компенсировала начавшуюся деградацию человечества, и лишь ценой невероятных усилий правительству Земли и социальным институтам охраны здоровья удалось остановить безудержный рост виртуальных развлечений и распад главного социального института – семьи. Люди снова потянулись к работе в коллективах, находя себе занятия по душе (а также по оплате), и человечество ожило. Хотя о возврате оставшихся видов промышленности из космоса на Землю речь не шла. Земля к этому времени превратилась в скопление мегаполисов, окруженных зонами игр и парками развлечений, соединенных не наземными дорогами, а воздушными магистралями и сетью метро. Среди бескрайних лесов, полей и водных пространств стали появляться так называемые хилариты – башни удовольствий, вмещавшие все виды услуг, какие только мог себе позволить человек, в том числе наркообслуживание и программы сексуальных наслаждений. Человечество перешло на легальное предоставление желающим всего спектра удовольствий – в зависимости от фантазии жаждущего, ибо только так могло проконтролировать опасные тенденции в развитии общества и реализацию его агрессивных потенций.

Башни строились в самых живописных районах Земли, а также на других планетах, их количество постепенно росло. Желающих получать удовольствие, ничего не давая взамен, становилось все больше. Не спасала ни ставшая более изощренной религия, ни законы, ограничивающие зомбирование и кретинизацию населения техногенными системами, ни полиция нравов, ни моральные принципы цивилизации, нарабатываемые веками. Человечество стало стремительно стареть, детей рождалось все меньше, ничто не могло изменить этот дисбаланс долгое время, пока появление Наблюдателя в начале двадцать четвертого века не встряхнуло людей и не заставило их задуматься над ситуацией. Как известно, большие потрясения сплавляют и заставляют думать и бороться, а тот факт, что человечество находится под чьим-то неусыпным надзором, действительно явился ударом. Правда, позже это потрясение прошло, и люди снова занялись своими делами, предпочитая больше отдыхать, чем работать и напрягаться ради каких-то открытий и наград.

Но вот пришла весть о вторжении в Солнечную систему сферических «зеркал», способных простреливать планеты насквозь и уничтожать сооружения людей, и человечество, взволнованное пугающими слухами о грядущем Апокалипсисе, начало просыпаться от долгого эйфорического сна. Хотя в массе своей и не помышляло о каком-либо сопротивлении. Первыми, как всегда, приняли на себя удар (пока еще только психологический) защитные системы человечества: аварийно-спасательная и пограничная службы. Причем удар этот был двойным: со

стороны Наблюдателя, которому не понравилась идея человека уничтожить «зеркала», и со стороны Правительства Земли, которое мгновенно осознало опасность и истерически потребовало от спецслужб немедленной реакции. Как будто они никак не реагировали на вторжение и пассивно созерцали, как по Солнечной системе мечутся чужие гости.

Конечно, сектор контрразведки службы безопасности имел свою резиденцию – левое крыло здания центра УАСС, располагавшегося на берегу Оки, в сердце древнего Мещерского заповедника. Но руководитель контрразведки госпожа Юэмей Синь редко бывала здесь, предпочитая встречаться со своими подчиненными в более спокойных и менее контролируемых местах. Самым излюбленным уголком работы и отдыха для нее был небольшой тихоокеанский остров Науру, один из немногих, где не были построены жилые комплексы и хилариты.

Остров Науру представлял собой атолл, в продольном сечении имеющий форму гриба. Он почти весь зарос пальмами, скрывшими дикий «лунный» ландшафт, который образовался здесь три сотни лет назад из-за добычи фосфоритов, созданных залежами птичьего помета. Вокруг всего острова примерно в те же времена было проложено асфальтовое шоссе длиной около двадцати километров, сохранившееся до сих пор.

Купаться на атолле было можно, однако далеко заплывать не рекомендовалось: остров омывался быстрым течением, и с одной его стороны могло затянуть на рифы, а с другой – унести в открытый океан.

Население острова составляло всего четыре тысячи человек, занимавшихся в большинстве своем, несмотря на цивилизованный образ жизни, рыбной ловлей, сбором жемчуга и добычей раковин моллюсков. Остальные работали в отелях, которых насчитывалось на острове с дюжину, и обслуживали туристов, изредка забредающих сюда в поисках экзотики и «древней австралийской магии». Своего метро остров не имел (спецлиния сектора контрразведки не в счет), и добирались сюда по воздуху или на морских судах.

Коттедж, принадлежащий Юэмей Синь, располагался на берегу океана, среди пальм и зарослей кустарника буш. Естественно, он охранялся, хотя заметить со стороны это было невозможно, и коттедж с виду ничем не отличался от других строений острова. Внутри он имел оригинальную отделку в духе китайских традиций, хотя встроенное в него инженерно-техническое оборудование обеспечивало широкий диапазон интерьеров и позволяло изменять «геометрию» дома в зависимости от вкусов владельца.

Гостей Юэмей Синь принимала в чайном зале коттеджа, где они могли расположиться на мягких ковриках или на подушках, обслуживаемые витсами в виде «живых» миниатюрных китаянок. Гости были шестеро, и среди них оказались Кузьма Ромашин, Хасид, приставленный к нему в качестве телохранителя, и Герман Алнис. Ошеломленные и обрадованные встречей, друзья начали выяснять причины вызова, но были вынуждены отложить разговор, попав в тишину и покой. Они уже не удивились, встретив у кабины метро трех других гостей Юэмей Синь: двух старших Ромашиных – Филиппа и Игната и комиссара службы безопасности Владилена Реброва.

Их проводили до чайного зала, усадили на коврики, и хозяйка коттеджа пригласила всех поучаствовать в чайной церемонии, не уступавшей по торжественности и мироощущению японским традициям. Кузьма заметил необычную реакцию Германа на появление руководительницы контрразведки: ксенопсихолог порозовел, глаза его заблестели, – и обменялся с Хасидом понимающим взглядом. Реакция Геры означала, что он увлечен.

Мило поговорили об острове, о коралловых полипах, об экологии и местных обычаях, выпили по чашке ароматнейшего чая, и Юэмей Синь начала совещание, ради которого пригласила сюда руководителей спецслужб, своего непосредственного начальника Реброва и двух специалистов, волей судьбы оказавшихся в гуще событий.

Витсы-китайки собрали посуду и удалились, унося подносы с чайными приборами. Гости сели в кружок, поджав ноги, лицом друг к другу, и в центре круга над полом возникла объемная модель Солнечной системы.

– Итак, джентльмены, вот что мы имеем. – Из пальчика Юэмей вырвался тонкий лучик света, уперся в пульсирующую алым светом движущуюся точку за орбитой Урана. – Это второй сферозеркальный объект, названный по аналогии с первым «футбольным мячом дьявола», который нацелен точно на Солнце. По нашим расчетам, он угрожает лишь двум сооружениям, располагающимся у него на пути. Его скорость такова, что через три недели он вонзится в Солнце.

Лучик переместился на еще одну мерцающую точку между орбитами Нептуна и Урана.

– Это первый объект, названный «теннисным мячом дьявола», который нам удалось отклонить. Однако вектор его движения меняется, и специалисты склонны полагать, что он скоро развернется и снова направится к Тритону. Вывод: мы столкнулись с целенаправленной акцией, смысл которой достаточно ясен. Наблюдатель узнал о наших планах уничтожения своих средств наблюдения и нанес упреждающий удар.

– Но зачем он послал еще одно «сферозеркало»? – поинтересовался Игнат Ромашин. – Для уничтожения «Потрясателя» – если речь идет о ТФ-эмиттере – хватило бы и первого «мяча».

– Этого мы не знаем, – ответила Юэмей Синь. – Возможно, цель второго «мяча» проявится позже. Я надеюсь, что это будет не Земля.

– А что будет, если «футбольный мяч» врежется в Солнце? – спросил вдруг Ребров.

Все, не сговариваясь, посмотрели на Кузьму. Тот невольно вздрогнул, смутился, взглядом спрашивая разрешения у деда, получил ответный понимающий взгляд и проговорил:

– Если свойства «мячей» идентичны, «сферозеркало», воткнувшись в Солнце, начнет сначала поглощать солнечную плазму, а потом извергать обратно. Я не знаю, что получится в результате столкновения потоков, нужны расчеты. Возможно, «мяч» переполнится, и на этом все закончится, но возможен и грандиозный взрыв.

Гости Юэмей Синь перевели взгляды на хозяйку.

– В любом случае, – сказала она, – объект надо останавливать. И одновременно работать над созданием ТФ-эмиттера нового поколения. «Потрясатель» скорее всего обречен, ему нужна компактная, хотя и не менее мощная, и безопасная для Солнечной системы замена. – Китайка посмотрела на Кузьму оценивающе. – Как продвигается работа по созданию «паньтао»?

– Чего? – не понял Кузьма.

Юэмей Синь улыбнулась.

– Паньтао в китайской мифологии – персик, дающий бессмертие. Предлагаю использовать этот термин в качестве названия операции и собственно ТФ-эмиттера. Не будем же мы наш проект называть по-старому – «Потрясателем Мироздания».

Мужчины обменялись короткими взглядами, но никто не возразил.

– Я закончил два цикла расчетов, – сказал Кузьма. – Однако решения пока не нашел. Для уничтожения «зеркал» требуется гиперволна с возбуждением солитонных кластеров, способных вызвать резонанс «зеркал» без сотрясения всей метрики Вселенной. Теоретически это возможно, и все же универсального решения скорее всего не существует.

– Что вы хотите сказать?

– Каждое «зеркало» придется уничтожать индивидуально.

– Это потребует слишком много времени и средств. Необходима одноразовая акция. Учтите, Наблюдатель не стал бы вмешиваться и уничтожать «Потрясатель» просто ради развлечения, значит, угроза реальна, и «Потрясатель» можно доделать.

Кузьма опустил голову, пробормотал:

– Я учту.

– Постарайтесь решить проблему побыстрее, время не ждет. – Юэмей Синь посмотрела на пошевелившегося директора УАСС.

Тот проворчал:

– Боюсь, у нас меньше времени, чем мы думаем. В Правительстве активизировались те, кто хочет взобраться на вершины власти, используя любую возможность.

– Ты имеешь в виду Мехти? – понимающе кивнул Игнат.

– Министр безопасности давно ведет политику дестабилизации властных структур, и если он вдруг начал громче всех кричать, что мы не справляемся с работой, а «Потрясатель» – опасен и его надо немедленно уничтожить, значит, Наблюдатель начал действовать и в социальной сфере.

– К чему ты клонишь?

– К тому, что у Наблюдателя в Системе есть агентура, – ответила за Филиппа Юэмей Синь. – И ее надо искать и обезвреживать.

Игнат скептически сморщился.

– Попробуй обезвредь Артура Мехти...

– Доберемся и до него, – возразила начальница контрразведки. – Мы не даром едим свой хлеб и кое-что имеем в досье на господина министра. Но нам нужны основания для более решительных действий, а эти основания можете дать только вы, сяньшэн, – Юэмей глянула на Кузьму совсем не по-женски, – и вы. – Взгляд на Германа. – Потому что только от вас теперь зависит, как скоро мы получим сведения о миссии мантоптеров и расчеты по «паньтао».

Герман хотел что-то сказать в ответ, но посмотрел на задумчиво-мрачного Кузьму и передумал. Филипп Ромашин понял его чувства, едва заметно улыбнулся.

– Они сделают все, что от них зависит, тайтай¹⁷, и даже больше. Я их знаю. Хотя времени, конечно, мало. Меня почему-то особенно тревожит второй зеркальный «мяч» – «футбольный». Уж больно он велик – почти равен Земле! Мне кажется, он решает иные задачи, нежели первый.

– Знать бы, какие это задачи... – вздохнул Игнат, помолчал и повернулся к Реброву. – Что ты там намекал насчет Солнца?

– Просто поинтересовался, чем может закончиться randevu «мяча» с нашим светилом, – ответил комиссар. – А что?

– Возможно, оно и есть цель Наблюдателя.

– Солнце?!

– Почему бы и нет? А вдруг этот «мячик» его действительно взорвет ко всем чертям?

– Зачем это Наблюдателю?

– Мы ему мешаем, где-то наступили на лапу в космосе, вот он и решил разом покончить с цивилизацией.

– Не проще ли покончить с ней, уничтожив Землю?

– За Землей еще надо погоняться, тем более что мы будем ее защищать, а Солнце – вот оно, запускай в него мину и жди. Ты можешь исключить такой вариант?

Ребров хмыкнул, снова помолчал, привычно потерев пальцами подбородок.

– Не могу. Но не вижу причин, по которым Наблюдатель мог бы предъявить нам претензии. Раньше он действовал достаточно мягко. К тому же он должен понимать, что таким образом не остановит экспансию человечества, расширение контролируемой нами зоны Галактики.

– Вот почему так важно знать о намерениях мантоптеров, – сказала Юэмей Синь. – Что заставило их пересечь пространство между рукавами галактической спирали? Какое важное сообщение они несли?

¹⁷ Тайтай – обращение к молодой женщине в Китае.

– Еще не доказано, что они его хотели передать нам.

– Зато доказано, что их гибель – результат столкновения корабля с «зеркалом», точнее, с «мертвяком».

Ребров мельком посмотрел на Германа.

– Компьютер космолета запустить не удалось?

– К сожалению, основной массив его памяти уничтожен, – виновато ответил молодой ксенопсихолог. – Но я не оставляю надежды решить проблему через мента-сканирование мантоптеров. Если только мне разрешат эту операцию.

Ребров кивнул, покосился на директора УАСС.

– Когда Даль-разведка планирует экспедицию в Змееносец?

– Старт перенесен на двадцать девятое марта. Если все сложится удачно, уже через десять дней после старта они подойдут к шаровому скоплению с циркониевой звездой. А сколько им понадобится времени на поиски родины мантоптеров, одному богу известно.

Помолчали. Затем Филипп Ромашин уперся кулаками в пол и встал. За ним поднялись остальные гости и хозяйка.

– Итак, судари мои, у нас три приоритетные задачи: «Потрясатель», то бишь «пань-тао», корабль мантоптеров с его дохлым инком и... Солнце. Интуиция мне подсказывает, что последняя проблема самая важная. – Он помедлил и процитировал: – Как сказал Сократ: например, если угодно, о Солнце достаточно будет, по-моему, сказать, что оно самое яркое из всего, что движется вокруг Земли¹⁸. – Он посмотрел на Кузьму. – Я еще раз советую тебе нанести визит Яну Лапарре и Керри Йосу. Они могут дать дельный совет.

– Какой совет могут дать старики?—вполголоса заметил Кузьма.

Филипп нахмурился.

– Они, конечно, старики, но ведь мудрость не имеет возраста? В отличие от глупости. Слетай, поговори, возможно, получишь ключ к новым расчетам.

Кузьма смешался под взглядами присутствующих, промямлил:

– Хорошо, я у них побываю.

Все потянулись к выходу. Юэмей Синь смотрела им вслед до тех пор, пока все не вышли, и позвала:

– Герман, я попрошу вас задержаться.

Выходившие последними Кузьма, Хасид и Герман переглянулись, Герман сделал им ручкой, и дверь за ним закрылась.

– Как ты думаешь, – спросил Кузьма безопасника, когда они были уже в кабине метро, – зачем она его оставила?

– Чтобы дать какие-нибудь инструкции, естественно.

– Но ведь уже все обговорено.

– Это тебе так кажется. Ты не безопасник и многого не улавливаешь. Может быть, она предложит ему работать на контрразведку.

Кузьма хмыкнул:

– Герка никогда не согласится.

– Если только не влюбился.

Они оценивающе посмотрели друг на друга.

– Ты думаешь?..

– Я вижу.

– Сколько же ей лет? Ведь явно не двадцать и даже не двадцать пять. В такие годы не становятся руководителем спецслужбы.

– Какое это имеет значение? Она красивая и умная, чего тебе еще надо?

¹⁸ Платон. Тезет.

– Мне – ничего.

Хасид засмеялся, улыбнулся и Кузьма, вспомнив о существовании Кати.

– Знаешь, я вдруг подумал, что эти люди встревожились не зря. Я имею в виду отца и деда... вообще спецслужбы... Что-то происходит, но никто толком не знает – что именно.

Хасид промолчал.

Через несколько мгновений они были уже в другом уголке Земли, выйдя из кабины метро в Исфахане, родном городе Хасида.

* * *

Спустя пять дней после того, как «теннисный мяч дьявола» прострелил Нептун насквозь, он сделал в Солнечной системе гигантскую петлю и вновь устремился к «раненой» планете, нацеливаясь на ее спутник – Тритон. А на шестые сутки «мяч» начал фонтанировать газами – водородом, гелием, метаном, аммиаком, а затем и плотными струями пыли и сгустками твердых каменных пород. Это были те объемы атмосферы Нептуна и его ядра, которые «провалились» внутрь «сферозеркала» при прохождении им недр планеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.